

Кирилл Шарапов

· ЧУЖОЙ МИР ·
ПУСТЫНЯ СМЕРТИ

16+

Кирилл Шарапов

Чужой мир. Пустыня смерти

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Шарапов К. Ю.

Чужой мир. Пустыня смерти / К. Ю. Шарапов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Научный эксперимент, затеянный учеными, окончился глобальной катастрофой. Часть нашего мира переместилась в параллельное пространство, где Земля превратилась в постапокалиптический ад. Разрушенные города, радиоактивный песок, мутанты, религиозные фанатики. Волею случая, бывший лейтенант морской пехоты Всеволод Бураков и его спутники оказались в этом аду. Судьба оставила им всего два варианта: жить или умереть. Они выбрали жизнь. А значит, умереть придется всякому, кто осмелится встать у них на пути.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	29
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

Новый старый человек

– Сева, пора идти дальше, хватит жить войной. Два года прошло, а ты все там. Посмотри на себя, ты опустился окончательно, я уже не помню, когда видел тебя трезвым. – С этими словами хорошо одетый крепкий мужчина лет тридцати поднялся со скамейки и бросил в урну пустой пакет из-под сока. Помолчав, продолжил: – И выглядишь как бомж: одежда мятая, ботинки грязные... ты когда крайний раз брился?

Всеволод Бураков посмотрел на говорившего мутным похмельным взглядом, поскреб подбородок, пытается понять, о чем говорит его собеседник. Рука наткнулась на густую и длинную поросль: еще не борода, но уже и не щетина.

– Не помню, – буркнул Всеволод.

– Бур, ты меня беспокоишь.

– Балаган, ты мне денег дашь? – игнорируя слова собеседника, спросил Бураков.

– Не дам. Не потому, что нет, и не потому, что жалко, поскольку для тебя – не жалко. А потому, что ты снова будешь пить.

– Буду, – согласился Всеволод. – Ну не дашь, я сам найду. – Он потер виски и поднялся со скамейки. – Знаешь, Дима, я просто уже не могу иначе. Я и здесь никому не нужен, да и там – уже не нужен.

– Ты мог остаться в армии, никто не просил тебя стрелять в генерала.

– Ребята просили. Те, кто в Грозном остался, просили этой сволочи откормленной привет передать.

– Сева, их не вернуть, они уже погибли. Знаешь, вряд ли бы они одобрили то, как ты живешь. Мы с тобой прошли этот ад, пора двигаться дальше. Давай я перетру с шефом, и пойдешь к нам водителем или охранником. Только уговор – не пить.

– Нет, Дима, холуем быть еще хуже. Я лучше сопьюсь. Дашь денег?

– Не дам, – после небольшой паузы ответил мужчина. – Знаешь, я тебе твои слова прощаю только потому, что прошли мы с тобой через многое, и я могу понять твоё состояние.

– Балаганов, а ты-то кто есть? – неожиданно твердым, уверенным голосом спросил Всеволод. – Ты чем занимаешься? Бандюгану двери открываешь и шлюх заказываешь? Из-за таких, как он, мы в этой жопе очутились. Духи хотели сами свою нефть продавать, а нашим буржуям это не понравилось. Ты когда последний раз в Чечне был? Не говори, я сам скажу, ты позавчера вернулся, на нефтеперегонный ездил, часть которого твоему шефу принадлежит. С нохчами базарил. С теми самыми, которые в нас стреляли. Мы должны были весь этот сраный город с землей смешать, но смешать так, чтобы нефтеперегонный стоял целехонький. И не смей говорить мне, что я ошибаюсь. Ты работаешь на того, кто подвел под монастырь сотни молодых пацанов и нас... сильно умных. Так что заткнулся бы ты лучше.

Дима резко встал, руки сжаты в кулаки, даже костяшки побелели.

– Ты переходишь все границы, – с расстановкой произнес он.

– Давай, Диман, двигай, – ухмыльнулся Всеволод. – Да и неправ ты насчет границ, я еще бельгийско-турецкую не переходил.

Дмитрий сплюнул и, развернувшись, решительно зашагал прочь, туда, где его поджидал черный великолепный «Bentley». Его душила злость и обида, но где-то на задворках разума металась одинокая мысль: чертов Бур прав. Был ты, Дима, боевой офицер, а стал... холуй.

Когда фигура бывшего сослуживца скрылась из виду, Всеволод тяжело поднялся со скамейки. Задача раздобыть денег не была выполнена и на данный момент была невыполнима. В

квартире, которая осталась от родителей, было пусто. Все, что можно пропить, уже пропито, остались голые стены с грязными обоями, две табуретки, шатающийся кухонный стол и горы неоплаченных счетов. Всеволод был уверен, что квартиру он скоро потеряет, свет ему уже отключили. Сумерки сгустились. В парке зажглись фонари, тихие аллеи наполнялись молодежью.

– Эй, бомжара, проваливай отсюда, – послышался справа молодой наглый голос.

Всеволод обернулся. Рядом с лавочкой остановилась компания подростков. Пятеро парней и три девки. От них ощутимо разило спиртным, в руках крепкого паренька был пакет, в котором лежало несколько бутылок. Всеволод смерил их злым, завистливым взглядом и, сгорбившись, пошел прочь.

– Стоять, – раздался в спину наглый окрик. – Ты на кого, сука, глаза поднял?

Пьяная компания почувствовала кровь, от которой такие вот подонки пьянели сильнее, чем от алкоголя. Тем более что перед ними был опустившийся на самое дно социальной ямы человек. Никто не заступится, даже если сейчас они его дружно запинают ногами.

– Зверье, – прошептал Всеволод, но не остановился.

Сзади послышались быстрые шаги. Его кто-то догонял. Мощный пинок по пятой точке отправил спившегося офицера на асфальт.

– Я тебе что сказал, урод? Меня слушать надо, – и парень с крашеными волосами нанес мощный удар по почкам.

И тут Всеволод словно очнулся. Он давно уже забыл состояние ярости боя, для окружающих его людей он стал обычным тихим пьяницей. Но были и те, кто ещё помнил его как старшего лейтенанта Всеволода Буракова, а боевики прекрасно знали его по позывному Бур. А еще они знали, что Бур в плен не сдается и пленных не берет.

Каблук высокого десантного ботинка, пусть и старого, но все такого же крепкого и тяжелого, как и в тот день, когда его сделали, впечатался в промежность малолетнего подонка. Следом – великолепная подсечка и удар на добивание, как на тренировке.

Девушки, до этого весело ржущие и криками подбадривающие своего лидера, пронзительно завизжали. Парни, все еще стоявшие у лавки, рванули вперед, и на Всеволода обрушился град ударов. Но человек, лежавший перед ними на земле, уже не был бомжем. В кругу подростков, пытаясь подняться, сражался старший лейтенант морской пехоты Тихоокеанского флота Всеволод Бураков.

Точный удар – и противник с воем падает на асфальт, обхватив руками раздробленную коленную чашечку. Словно пружина, Бур вскочил на ноги. Еще один противник рухнул на заплыванный семечками асфальт, хрипя и пытаясь вдохнуть. Подонок не понимал, что уже фактически мертв. Смятый мощным и великолепно отработанным ударом кадык не давал ему дышать. На секунду все замерли: Бур в оборонительной стойке, девки и парни с растерянными лицами. Пауза длилась лишь доли секунды, подростки рванули прочь, бросив своих растерявшихся подруг, которые застыли в испуге.

Всеволод оглядел поле боя: двое парней мертвы, один, воя от боли, катается по земле. Всеволод подошел к лавочке и вырвал из рук девчонки пакет, заглянул, достал початую бутылку водки, свернул колпачок и начал пить.

Вот все и решилось. От двух трупов, лежавших на грязном асфальте, не избавиться. Квартиру отнимут, а ближайшие лет десять он проведет в тюрьме. Что же... все что ни делается, все к лучшему. Бур не чувствовал никаких угрызений совести, он поступил так, как считал правильным. Зло должно быть наказано. Эти подонки хотели поизмываться над опустившимся человеком, и никто бы их не осудил, если бы они его забили насмерть. Скорее всего, дело бы быстро развалилось. Прикид у парней дорогой, может, и не золотая молодежь, но и не из последних. А вот ему предстоит хлебнуть дерьма, его никто вытаскивать и защищать не будет. И скоро толпа у здания суда будет скандировать: «Распни его!»

Все вокруг наполнилось криками, двое патрульных уже бежали к нему. Всеволод ухмыльнулся и, сделав последний глоток, отбросил бутылку в сторону.

– Мордой в землю, руки на затылок! Живей, – заорал старший.

Бур послушно лег и сложил ладони на затылке. Его заковали в наручники и потащили к «бобику», который из-за лестницы не мог проехать в парк.

Водитель быстро распахнул дверцу, и двое полицейских закинули Всеволода в клетку. Дверь захлопнулась. Кое-как забравшись на лавку, Бур вытянул ноги. Выпитая водка не зацепила, тело болело от многочисленных ударов ногами – все-таки ему прилично перепало. Подонки знали свое дело, в честном бою эти уроды были нулями, но свалить и запинать кучей одиночку – это они умели.

Двигатель «уазика» завелся, и машина медленно тронулась с места. В маленьком зарешеченном окошке изредка отражался синеватый отблеск мигалки. Неожиданно машину резко мотнуло в сторону. Всеволод, лишенный возможности держаться за что-либо, влетел лбом в стену напротив. Перед глазами замелькали разноцветные круги, все куда-то поплыло...

Когда он пришел в себя, то понял, что валяется на потолке, машина явно перевернулась. Бур сел и внимательно огляделся. Кувыркнулся «бобик» неслабо, кузов сильно перекосило, дверь была по-прежнему заперта, но запор едва держал. Прильнув глазом к образовавшейся щели, Всеволод смог разглядеть высокую траву, которая обычно растет на пустырях или заброшенных полях.

– Эй, есть кто живой? – крикнул он в надежде, что полицаи живы-здоровы и просто позабыли о задержанном. Ответа не было.

Всеволод лег поудобней и подтянул ноги к груди. Пропустив их в кольцо наручников, он сделал так, чтобы руки были скованы все-таки спереди, а не за спиной. Теперь нужно решить проблему с дверью. Собравшись с силами, он нанес мощный удар, дверца дрогнула, но устояла. Бур повторил процедуру, на шестом ударе запор не выдержал, и перекошенная дверь с лязгом распахнулась. Выбравшись из перевернувшейся машины, он огляделся. Перед ним раскинулся городской пустырь с высокой травой и кучами различного мусора, который сюда стаскивали годами. Заглянув в салон, Бур нахмурился: стекла выбиты, но ни крови, ни тел – вообще ничего... И никаких следов рядом, кроме его собственных. Карбкаться на перевернувшуюся машину со скованными руками было жутко неудобно, но жизненно необходимо, и Всеволод справился с этой задачей. Выпрямившись, он окинул взглядом высокую траву, захотелось материться, причем громко, самозабвенно, с вдохновением, с виртуозностью старого прапорщика. Ни одного следа вокруг: ни человеческого, ни от самой машины... Словно полицейский «бобик» лежит здесь вверх колесами с самой весны, и трава просто выросла вокруг него.

Но в одном Бур был уверен точно: машина сюда не приехала. Она сюда – попала.

Бывший морпех спрыгнул на землю и полез в салон. Искомое нашлось на пятой минуте обыска. Запасной ключ от наручников был прилеплен на скотч к днищу водительского сиденья. Избавившись от кандалов, Всеволод вздохнул свободней. Выбрасывать он их не стал, просто засунул в карман. Еще через пять минут обыск был закончен. Улов оказался невелик: ржавый полуметровый кусок арматуры для монтажа шин и совершенно бесполезные ключи в замке зажигания. Учитывая, что изрядно помятая машина лежала на крыше, шансы куда-либо на ней поехать стремились к нулю. Сумерки стремительно переходили в ночь, к счастью, Всеволод успел кое-что заметить, когда в первый раз залезал на машину. Несколькими километрами правее места «аварии» темнели многоэтажные дома, скорее всего, окраина какого-нибудь провинциального городка. Но что-то Буру в этой картинке не нравилось. Сумерки стусились, а в городе не видно ни одного огня. Окна домов были черны и безжизненны, а идти в незнакомый город в полной темноте, без оружия и документов являлось безумием. Да и внешний вид Всеволода оставлял желать лучшего: нестираный, грязный, провонявший потом камуфляж, щетина, засаленные, давно не мытые и не стриженные волосы. В таком виде его арестуют мгно-

венно. Бур несколько минут размышлял над тем, как поступить, поскольку перспектива идти в город утром была не менее хреновая, и по тем же самым причинам. О том, что его будут искать полицейские по обвинению в убийстве, он даже не думал. И так было понятно, что его уже давно никто не ищет, хотя бы по причине отсутствия следов вокруг машины. Трава не вырастает за ночь, а полицаи, попавшие в аварию, не исчезают бесследно. Вывод? Вывод прост – это он исчез бесследно вместе с машиной. Было над чем подумать.

Наконец приняв решение, Всеволод встал и направился к городу, внимательно глядя себе под ноги. Проткнуть ногу всяким хламом, сваленным на пустыре, вряд ли выйдет, а вот сломать – запросто. Спустя двадцать минут он вышел к первому дому.

– Что ж, этого следовало ожидать...

Бур постоял несколько минут, глядя на открывшуюся картину. Когда он в сумерках смотрел на город с приличного расстояния, то просто не мог увидеть всей картины.

В январе 1995 года в подвале окруженного чеченскими боевиками дома патриарх русского рока Юрий Шевчук написал песню «Мертвый город. Рождество». Именно словосочетание «Мертвый город» лучше всего подходило к тому, что видел перед собой Всеволод. Стены хранили следы, оставленные пулями и снарядами, угол дома лежал в руинах после попадания большой бомбы, дорога, отделявшая город от пустыря, в воронках. Метрах в ста темнела туша средней бронемашины.

Бур рефлекторно пригнулся, в нем просыпался бросивший его два года назад совершенно иной Всеволод, Всеволод-воин. Тот, что кувыркался под пулями на настоящей войне, которую какой-то клоун обозвал «контртеррористической операцией». Шут гороховый. На самом деле им противостояла маленькая, неплохо обученная армия, тренированная лучшими инструкторами со всего мира специально для диверсионной войны и боевых действий в городах.

Всеволод-воин действовал уже сам по себе. Сева-бомж даже не заметил, как оказался в укрытии, прижавшись спиной к выбитой взрывом подъездной двери. Заглянув в темное нутро дома, Бур окинул взглядом подъезд. Пусто, только следы от пуль и осколков на стенах. Всеволод быстро скрылся в подъезде, аккуратно, стараясь не создавать ни малейшего шума, поднялся к квартирам, которые встретили его прочными металлическими дверями. Он даже мучиться не стал, такую дверь без тротила не вышибешь. Быстро поднялся на следующий этаж. Та же картина, а вот на третьем повезло, в стене дома зияла дыра, проделанная снарядом, шириной эдак метра два с половиной в диаметре. Взрыв разворотил все на лестничной площадке, обвалив обе лестницы, ведущие на верхние этажи и выбив при этом все двери.

Бур не нуждался в приглашении. Он уже понял, что в этом мертвом доме осторожность не нужна. Не от кого прятаться.

Выдавленная взрывной волной дверь валялась посреди довольно обширной прихожей. О том, что люди покинули дом заранее, говорил совершенно пустой шкаф, в котором остались только вешалки и старый зонт. Кстати, планировка квартиры оказалась очень неплохой: две комнаты (обе средних размеров), большая кухня-столовая, отдельный санузел, причем в ванной были джакузи и душевая кабина – все довольно дорогое. Мебель из натурального дерева, все шкафы распахнуты, вещи раскиданы по полу. Видимо, хозяева собирались в спешке, но не бежали, а просто торопились. Всеволод хорошо помнил брошенные квартиры в Чечне. Там было все по-другому, да и таких богатых он не встречал. Одно было странным: боевые действия закончились, а вот мародеры почему-то не появились. Так не бывает: как только бои затихают, эти твари выползают из всех щелей и грабят брошенные дома, стаскивая к себе в норы все подряд. А в квартире было немало добра. Вся бытовая техника, с виду совершенно целая, стояла на своих местах, огромный плазменный телевизор размером два на два метра висел на стене. И пыли практически не было. Что бы здесь ни произошло, это явно случилось совсем недавно.

Взгляд морпеха наткнулся на несколько книжных полок. Все книги были на русском языке, но Всеволод, хоть и любил читать, не смог найти ни одного знакомого названия. Он наугад вытащил одну, с надписью «Край» на обложке, и быстро прочитал аннотацию: «*Трагическая повесть о судьбе красных офицеров во время бегства за кордон из порта Ленинграда после разгрома большевиков белогвардейскими войсками в июле 1919*».

– Твою мать, – выругался Всеволод, поставив книгу обратно. То, что он очень далеко от привычной старушки Земли, было ясно и без подсказок. Бур взял себя в руки и пошел осматривать вторую комнату. Она принадлежала девочке или, скорее всего, молодой девушке не старше семнадцати лет. Письменный стол, на котором стоит большой плоский монитор, плюшевые игрушки, сваленные на кровати, на стенах постеры незнакомых музыкальных групп, учебники на полке подросткового гарнитура. Всеволод даже прикоснуться не стал к физике или химии, схватился за учебник истории. То, что было написано на обложке, шарахнуло его, подобно удару тока:

«История Московской империи. С начала двадцатого века и до наших дней».

Бур распахнул окно и сел в кресло, света полной луны вполне хватало для чтения. На секунду он вспомнил себя маленьким мальчиком, вот так же портящим глаза над разными захватывающими книгами, от которых невозможно оторваться, когда родители гонят спать. Правда, тогда он читал при свете уличного фонаря, но сейчас луна была яркой, а небо чистым и звездным. Текст читался легко. Всеволод вырос в семье гуманитариев и просто шокировал своих предков, избрав карьеру военного. Но любовь к книгам и навык скорочтения не ушли, он одним взглядом выхватывал целые абзацы, за минуту прочитывая страницу, и переходил к следующей. Когда через три часа он захлопнул книгу и положил ее на стол, за окном начинался рассвет. Глаза болели, но это было сущей мелочью по сравнению с шоком от прочитанного.

Все, что он знал об истории своего мира, здесь теряло смысл. Расхождение началось с 1905 года, именно тогда большевики взяли власть. Они победоносно выиграли Первую мировую, и казаки вошли в Берлин. Но красные не смогли справиться с плодами этой победы. Ослабленная страна, голодные бунты, породившие гражданскую войну, высадка бежавших из страны приверженцев монархии в порту Владивостока привели к падению большевиков. Теперь уже они бежали в страны, которые остались верны марксистско-ленинской идеологии. Дальше завертелось совсем весело: монархия в прежнем своем виде так и не возродилась, и Российская империя превратилась в Московскую. Эта империя была не менее амбициозна, чем СССР в нашем мире. Ослабленная сначала мировой войной, а затем гражданской, Московия медленно поднималась из руин, наращивая военную и экономическую мощь. Ей не удалось избежать репрессий тридцатых годов, когда власть, подстегиваемая промышленниками, принялась за врагов народа. Десять миллионов человек были репрессированы и расстреляны, еще двадцать медленно умирали в лагерях. А в сорок первом году началась Вторая мировая. Правда, ни о каком фашизме и речи не шло. Как и половина Европы, Германия после Первой мировой входила в состав Московской империи. Здесь у страны были другие противники.

Десять лет войны против США, Канады, Англии и Франции. Сто миллионов погибших с обеих сторон. Бомбардировки Нью-Йорка, лежащий в руинах Лондон, обращенный в пепел Петербург – никто не победил, просто у воюющих стран кончились ресурсы и появилось новое оружие. Угроза ядерной войны охладила пыл, весь мир застыл в шатком равновесии. Московская империя потеряла только Финляндию.

Дальше шла холодная идеологическая война, которую, в отличие от СССР, Московия не проиграла. Здесь не было Афганистана, зато был Амур. Сильно окрепший Китай пытался захватить Приамурскую область. После трехлетних боевых действий Москва решилась на беспрецедентный шаг, Пекин и еще несколько крупных городов Поднебесной превратились в пылающие, пышущие смертельной радиацией руины. Китай навсегда был отброшен в каменный век.

Учебник заканчивался описанием событий две тысячи девятого года. Последняя глава была посвящена нанотехнологиям. На боевое дежурство были поставлены одиннадцать ракет, начиненных миллиардами микроскопических роботов, настроенных на человеческую ДНК. Московская империя обеспечила себя надежным щитом на ближайшую сотню лет.

Видимо, не помогло... или помогло?

Информации на сей счет в учебнике истории не было. Да и не могло быть: электронный календарь, висящий на стене в кухне-столовой, продолжал исправно отсчитывать дни и недели. Сегодня по местному календарю было 31 мая 2011 года. Книга, лежащая перед ним, устарела на пару лет.

Вспомнился дурацкий детский стишок, который Бур и продекламировал в пустоту:
В поле нейтронная бомба лежала.

Девочка Оля на кнопку нажала.

Долго над шуткой смеялись в РОНО.

Город стоит, а вокруг – никого...

Всеволод встал и, окинув квартиру внимательным взглядом, вышел из квартиры. Хоть он и прихватил с собой гвоздодер и еще кое-какие инструменты, возиться с крепкими металлическими дверями было совершенно бесполезно. Да и бессмысленно. Если даже стоявший на окраине города дом выглядел элитным, что же тогда ждало его в центре? Единственное, чего Бур не понимал, так это какие боевые действия здесь шли? Все вокруг выглядело... нелогично. Улица, перепаханная разрывами снарядов, следы пуль на стенах домов... и полное отсутствие следов человеческого присутствия. Единственным памятником защитникам (или атакующим) служила бронемашина незнакомой конструкции, по виду напоминающая БТР. К ней Всеволод и направился. Обойдя машину по кругу, он быстро убедился, что никаких механических повреждений она не имеет, складывалось впечатление, что экипаж ее просто бросил. Корпус бронетранспортера напоминал шестигранник, сверху находилась почти плоская башенка, из которой торчали две пушки. Бур легко определил, что это спаренное тридцатимиллиметровое орудие. Все люки были плотно задраены изнутри. На борту флаг: на красном фоне всадник, протыкающий копьем змея. Герб читался легко, поскольку, видимо, в обоих мирах принадлежал одному и тому же городу – Москве.

Бур еще раз обошел машину, вскарабкавшись на слегка сплюснутый передок, дернул люк механика-водителя, тот на удивление легко распахнулся. Внутри было темно, Всеволод достал из кармана диодный фонарик, который нашел в квартире, в ящике с инструментом. Голубоватый луч метнулся по стенкам, выхватывая из темноты рычаги управления, приборную доску, десантный отсек. Странно, он не ощущал никакого запаха. Конечно, экипаж мог покинуть машину через незапертый люк, но это было слишком сложно, зачем всем вылезать через маленький передний, когда есть большой боковой? Луч фонаря заскользил по полу. Сначала Всеволод даже не понял, что видит, но потом дошло: на сиденье механика лежала брошенная военная форма, обычный камуфляж. Но вот то, как она лежала, было странно. Такое ощущение, что кто-то специально разложил штаны, заправленные в берцы, куртка валялась на сиденье, вместе с портупеей, в кобуре которой был закреплен пистолет-пулемет незнакомой конструкции. Всеволод перевел луч фонаря на кресло стрелка и обнаружил там точно такую же картину. Нигде ни одного пятнышка крови, казалось, что люди просто в один миг испарились. Всего Бур насчитал восемь комплектов – три члена экипажа и пятеро десантников. Их автоматы имели дизайн «калашей» сотой серии, но таковыми не являлись. На ствольной коробке был выбит номер и индекс изделия – АД-03. Какой идиот решил так сократить название? Хотя ответ на вопрос Бур знал: здесь не было легендарного Калашникова, зато был легендарный

Василий Дегтярев, который и заложил основу всего автоматического оружия в середине двадцатого века. АД – «Автомат Дегтярева», а «03» – скорее всего, год принятия модели на вооружение. Судя по амуниции, Московия уделяла большое внимание оснащению армии, камуфляж был из великолепной ткани, берцы – мягкими и удобными, а если ботинок распотрошить, то наверняка окажется, что внутри подошвы есть металлическая вставка, которая может спасти ногу при подрыве на противопехотной мине нажимного действия. Всеволод глянул на свои берцы. М-да... жесткая кирза, в которой ноги прели почти мгновенно.

Бур никогда не был особо чувствителен к подобным вещам, прежним хозяевам эта форма уже явно не пригодится, да и знакомцами они не были. Он быстро подобрал себе нужный размер одежды и ботинок. Бойцы, которые ехали в десантном отделении, были экипированы по полной программе, у каждого рюкзак, двойной боекомплект, аптечка и рацион. У двоих ручные гранатометы с индексом РГ-10 плюс рация с гарнитурами. Всеволод открыл задние десантные люки и вытащил трофеи наружу. Переодевшись, не почувствовал никакой брезгливости. Где-то глубоко внутри он осознавал, что эту форму носил другой человек, и, скорее всего, он мертв. Но ведь, если он мертв, значит – ему это уже не нужно.

Всеволод выбрал автомат, повесил себе на грудь пистолет-пулемет, снятый с механика, и постарался уложить в рюкзак как можно больше полезных вещей. Туда отправилась очень удобная радиостанция, которая весила всего три килограмма, несколько гарнитур, два ИРПа^[1], пара аптечек (из остальных он вынул обезболивающие и противошоковое и тоже пристроил в один из накладных клапанов). Оставшееся пространство забил патронами. Подняв набитый рюкзак, взвесил в руке, получилось килограммов двадцать, плюс оружие, плюс разгрузка – итого сорок кило веса. Не много, но и не мало. Но выжить в незнакомом мире без этих вещей было бы нереально. Все остальное он аккуратно разложил в оставшиеся рюкзаки, оттащил в подвал ближайшего дома, вырыл яму и закопал, оборудовав себе вполне надежный схрон, к которому можно будет вернуться и забрать необходимое.

Выйдя на улицу, он остановился, последние двадцать минут его просто душила жаба. Бросать посреди дороги совершенно исправный БТР казалось верхом расточительства. Солнце уже поднялось над мертвым городом, нужно было что-то решать.

Всеволод огляделся по сторонам. Как можно спрятать двадцатитонную боевую машину? Его взгляд упал на пустырь, густо заросший травой, за которым начинался небольшой лесок. Приняв решение, Бур захлопнул задний люк и сел на место водителя. Разобраться с управлением было делом пяти минут, по истечении этого времени бывший старший лейтенант морской пехоты, а ныне просто странник тронул бронетранспортер с места. Спустя десять минут грозная боевая машина нашла укрытие в небольшом овраге, заросшим густыми кустами.

Закончив с маскировкой БТРа, Бур решил передохнуть и достал один ИРП. Две банки с кашами, банка с фаршем, тушенка, чай, кофе и даже небольшой калорийный шоколадный батончик. Основательно подкрепившись и кое-как запихав остатки рациона в рюкзак, Всеволод направился обратно в город. Все шло как по маслу: он был сыт, вооружен, великолепно экипирован... не хватало маленькой детали – неприятностей. Бывший морпех нутром чуял, что в ближайшее время что-то должно произойти. Он так и не разобрался, что случилось с этим городом, куда исчезли люди, почему одежда лежит так, словно человек просто исчез, испарился. Но ощущение тревоги нарастало и с каждым шагом становилось все сильнее. Подобное он ощущал только однажды: за минуту до того, как колонна бронетехники бригады морской пехоты вошла в Грозный. Спустя минуту на нее обрушился шквал огня.

Всеволод остановился возле одного из домов и зажмурился. Его трясло, чувство тревоги перерастало в панику. Резкий толчок бросил его на землю, ударная волна прокатилась по городу, сметая прочные многоэтажные дома, словно они были сложены из игральные карт. Бур нутром чуял, как сила, сокрушившая мертвый город, прокатилась по всему этому миру, опрокидывая остатки цивилизации, обращая в прах города. Дом, возле которого он лежал,

начал разваливаться на куски, всего в нескольких шагах от него обвалилась стена, погребя под многотонными обломками автомобиль, припаркованный рядом с домом.

– Останусь здесь, – сдохну, – сказал бывший морпех сам себе и рванул прочь.

Так Всеволод не бегал даже в Грозном. Он с ходу перемахнул пятиметровую трещину, которая внезапно разверзлась на его пути. Основной задачей было как можно быстрее оказаться на открытом месте, чем дальше от рассыпающихся зданий, тем лучше. Он несся по городу с немыслимой для человека скоростью, даже груженный рюкзак за плечами не чувствовался.

Словно из ниоткуда прямо перед ним возникла старенькая «девятка». Бур успел заметить округлившиеся от ужаса глаза водителя, машина с силой ударила об асфальт, ее занесло, после чего центробежная сила победила, и «девятка» закувыркалась по асфальту, превращаясь в груды измятого расплющенного железа. Все это пронеслось перед глазами Всеволода всего за доли секунды, он даже не затормозил, движение – жизнь. Через три минуты бешеного спринта ноги вынесли его на огромную площадь, посреди которой стоял гигантский памятник – массивный мужчина в фуражке. Размерами монумент не уступал памятнику Воину-освободителю в берлинском Трептов-парке. Вокруг рушились сделанные из стекла и бетона офисные здания, а по постаменту даже трещинки не пошло.

Всеволод замер, глядя на этот величественный монумент. Человек стоял, заложив руки за спину, суровым взглядом уверенно глядя вперед. Он был в военной форме, на груди детально выполнены орденские планки и три Георгиевских креста, высшая награда Московии. Буру не нужно было читать надпись на памятнике – в этой реальности был единственный обладатель сразу трех полных крестов. Человек, который не проиграл Вторую мировую. Георгий Жуков. Всеволод сел на ступени лестницы, ведущей к монументу, он даже не заметил, что едва может дышать, марафон нетренированного тела дался дорого. На его глазах еще несколько машин возникли из воздуха, некоторые кувыркались по асфальту, словно от мощного столкновения, другие просто выпадали с высоты нескольких метров. Земля тряслась, но уже не так сильно. Бур оценил масштаб разрушений, все лежало в руинах, но развалины города были не тем, что пугало по-настоящему.

Посреди одного города вырос другой. Уродливые пятиэтажки, такие знакомые и родные, и такие же уродливые продукты отечественного автопрома, разбросанные по площади. А самое поганое – по правовому краю площади теперь текла широченная река. Русло появилось ниоткуда, огромная трещина шириной метров в сто пересекла город, и по ней устремились потоки воды. Дикая картина наложения одного на другое повергла Всеволода в ступор. Мозг твердил: то, что он видит, нереально. Но зрение говорило об обратном.

Каким-то невероятным образом в это непонятное и неизвестное место перенеслась часть его родного мира.

Глава 2

Этот незнакомый мир

Всеволод нервно, одну за одной, курил сигареты, найденные в карманах экипажа БТРа. Помимо камуфляжа и прочего имущества, он заодно приобрел четыре пачки с неизвестным ему названием «Столичные». Кстати, они оказались очень ничего, в меру крепкие, с хорошим табаком, не сравнить с той туфтой из веток, которые приходилось курить опустившемуся Всеволоду Буракову.

– Помогите! – резанул по ушам Бура истошный крик.

Всеволод вскочил и прислушался, крик повторился, звук шел от реки. Бура скинул рюкзак и побежал на продолжающий звать на помощь голос.

Обшарпанный «Ford Focus» завис над обрывом. Только тяжело нагруженный багажник удерживал машину от падения.

Всеволод замер, глядя на плюгавого мужика с расширенными от ужаса глазами, который застыл за рулем. Рядом с ним сидела женщина лет тридцати пяти с рыжими, явно крашеными волосами. На заднем сиденье, сжавшись в комок, замерла девочка-подросток лет пятнадцати, по всем признакам она пребывала в полной апатии и смотрела на Всеволода невидящими глазами.

– Не шевелитесь, – приказал Бура. – Стоит качнуть машину, и полетите вниз.

Мужик, сидящий за рулем, кивнул. Даже это, вроде бы безобидное, движение он сделал очень аккуратно. Всеволод оглянулся по сторонам – нужно придумать, как закрепить машину. Вытащить без риска ее нереально. Его взгляд зацепился за мощный «Лендровер», предназначенный специально для экстремального туризма, тот валялся на боку, метрах в двадцати от «Форда». Вместо кенгурятника на морде была установлена довольно мощная лебедка, способная без труда сдвинуть с места многотонную машину. Всеволод подбежал к нему и отключил ступор. Троса едва хватило, лежи джип на пару метров дальше, ничего бы не вышло.

Всеволод закрепил крюк на буксировочной петле, вернулся к джипу и забрался в кабину через выбитое окно. Пульт управления лебедкой оказался закреплен на приборной доске. Сняв его, Бура вылез обратно и подключил кабель в разъем, на панели загорелся зеленый огонек. Стараясь делать все плавно, он натянул трос до состояния струны, ему даже удалось слегка подтащить «Форд» от края, всего сантиметров тридцать, но теперь центр тяжести окончательно сместился назад, сводя вероятность случайного падения машины к минимуму. Но дальше вытягивать было опасно, мог обрушиться край берега, и тогда уже никакой трос не удержит «Форд» от падения.

Подойдя к зависшей над пропастью машине, Всеволод взобрался на багажник и легонько ударил стволом автомата в стекло, появилась трещина; три удара в разные места, и осколки посыпались в салон.

– Быстро, не делая резких движений, выбирайтесь, – приказал он. – Сначала вы, – он указал на женщину, сидевшую рядом с водителем.

– Нет, – крикнула она, – сначала Алина.

– Делайте, что говорю! – рявкнул Всеволод. – Девочка, хоть и легкая, все-таки противовес, и покинет машину последней. Живо!

– Плевать на нас, спасите дочь, – попытался поиграть в героя водитель.

– Заткнись, – еще раз рявкнул Всеволод, – живо вылезайте!

Женщина нехотя подчинилась. Отстегнув ремень безопасности, она с трудом протиснулась между сиденьями и, ухватившись за протянутую Всеволодом руку, выбралась наружу.

- На землю не слезать, – приказал Бур.
- Она кивнула, понимая, что от нее требуется.
- Теперь вы, – приказал бывший морпех.

Мужчина не стал качать права, отстегнулся и полез назад. Под днищем заскрипело, машина, слегка вздрогнув, сдвинулась на пару сантиметров в сторону пропасти. Женщина испуганно вскрикнула. Мужик вздрогнул, но не остановился. Перебравшись на заднее сиденье, он указал на дочь:

- Сначала она.
- Всеволод кивнул:
- Хорошо.

Мужчина нежно дотронулся до девочки.

- Алина, дочка, – зашептал он, – нужно выбирать, дай руку вон тому дяде.

Девочка, словно робот, протянула маленькую ладошку Всеволоду, который довольно бесцеремонно сжал ее и потянул на себя, девочка подалась и, встав на колени, полезла в выбитое окно. Она уже была снаружи, когда одновременно случались три события: трехметровый кусок берега стал съезжать в реку, машину с противным скрежетом поволокло вперед, не выдержав напряжения, лопнул трос, словно плеть, он хлестнул по матери девочки, едва не отрубив ей голову. Женщина скатилась с багажника, схватившись за рассеченную шею, из которой фонтаном хлестала кровь. Все, что смог сделать Всеволод, это оттащить опешившую от ужаса девочку от машины и разлома. Он едва успел: трехметровый пласт земли рухнул в реку, увлекая за собой машину, в которой так и остался отец девочки с расширенными от ужаса глазами, и тело женщины, истекавшей кровью.

- Папа! – истошно закричала Алина и рванулась к краю, но Бур удержал ее.
- Все кончено, он погиб, – тихо сказал он.

– Пусти, сволочь! – отчаянно закричала она, пытаясь вырваться, но Всеволод держал ее крепко.

– Все кончено, – спокойно повторил он. – Они погибли, нужно уходить отсюда, берег может обрушиться.

Девочка уперлась ногами, но вырваться так и не смогла. Всеволод просто подхватил ее на руки и понес прочь, он почти не ощущал, как она лупит по его груди маленькими кулачками. А через минуту она зарыдала, уткнувшись в его плечо. Всеволод вернулся к памятнику. Рюкзак был на месте, а рядом с ним сидел крепкий мужик лет шестидесяти. Всеволод опустил Алину на землю и потянулся к автомату.

– Не стоит, – ответил мужчина, – я ничего не трогал, просто сижу и жду вас. Меня зовут Аркадием Викторовичем.

– Почему не помогли? – кивнув в сторону реки, спросил Всеволод. – Вы же видели машину.

– Я подвернул ногу и даже если бы успел туда, то помощи от меня было бы немного. Я с трудом дошел сюда, а ведь идти пришлось каких-то двадцать метров. Может, вы объясните, что произошло? Где мы? Мне незнакома эмблема на вашей форме, вы местный?

Всеволод покачал головой.

– Нет, я не местный, это трофей. Просто по какой-то причине я оказался в этом мире на пять часов раньше вас.

- Очень интересно, – заметил Аркадий Викторович. – И как вас зовут, молодой человек?
- Всеволод, – нехотя представился Бур.

– Так вот, Всеволод, может, вы в двух словах расскажете, что происходит?

– Я знаю не больше вашего... хотя нет, неверно, уже знаю больше... вот только как вам это рассказать?

- Как есть, так и рассказывайте, – пожав плечами, сказал Аркадий Викторович.

– Не здесь, – отрезал Бур, – нужно убираться с этой площади.

Алина, сидевшая на газоне и тихо всхлипывающая, подняла на него глаза.

– Может, подождем, тут, наверное, еще люди есть, надо им помочь.

Всеволод задумался: девчонка права, если здесь есть другие люди, то они, скорее всего, нуждаются в помощи. Правда, беспокоила пара вопросов: что это будут за люди? Как они себя поведут?

– Я видел мужчину, когда шел сюда, – произнес Аркадий Викторович, – в машине лежит, в крови весь. Ее неслабо кувыркнуло. Не думаю, что его можно достать без инструмента, да и мертвый он, наверное.

– Покажи, где видел, – попросил Всеволод.

Аркадий указал в сторону измятого в хлам «Опеля».

– Подождите здесь, я посмотрю.

Бур направился к груде искореженного металла, которая еще недавно была довольно приличной машиной. Водитель был мертв, по какой-то причине подушка безопасности не сработала, а ремень безопасности хозяин пристегнуть не удосужился, вот и проломил себе грудь, налетев на руль.

– Этот готов, – крикнул он своим временным попутчикам, – ждите здесь, я обойду площадь, может, еще кого найду...

Аркадий не стал кричать в ответ, просто кивнул. Стянув с себя ботинок, мужчина изучал поврежденную ногу.

Всеволод пошел по площади, заглядывая в машины, часть из которых была перевернута и нехило покувыркалась, а другие остались в полном порядке. Новенький «Фольксваген-жук», желтый, как канарейка, лежал на крыше метрах в сорока от памятника. Молодая женщина лет двадцати пяти тщетно пыталась расстегнуть заклинивший ремень безопасности, лицо ее покраснело от притока крови, еще несколько минут – и она потеряет сознание. Всеволод потянул за ручку двери, но та не поддавалась. Машина хоть и не пострадала сильно, но по ободранной краске было видно, что ее несколько раз кувыркнуло. Бур лег на асфальт и протиснулся в небольшое окошко.

– Не дергайтесь, – попросил он, – я сейчас обрежу ремень, упритесь руками в пол, чтобы головой не удариться.

Женщина кивнула и выполнила указания. Бур извлек острый как бритва армейский нож из великолепной голубоватой стали и быстро перерезал ремень безопасности, женщина сползла с сиденья, после чего, стараясь не порезаться об осколки, выбралась вслед за Всеволодом наружу. Ее слегка качнуло, и она, чтобы не упасть, уселась прямо на асфальт.

– Спасибо вам, – с трудом произнесла она. – Я кричала, но никто не подошел, ремень заклинило...

– Как дух переведете, идите к памятнику, там уже есть двое людей. Посидите и подождите меня. А я еще пострадавших поищу.

Женщина с трудом поднялась и пошла в указанном направлении. Шла она, пошатываясь на каждом шагу, да и понятно: провисеть вверх тормашками минут тридцать – совсем не шутка.

Всеволод продолжил осмотр. Всего по площади было разбросано машин двадцать, но выживших больше не было, только в двух оказались совершенно свежие покойники, в количестве четырех штук. Еще несколько тел лежало прямо на асфальте. Всеволод склонился над пожилым мужчиной и потрогал пульс, хотя нужды в этом не было: синеватый оттенок кожи не хуже заключения патологоанатома говорил, что тот мертв. Видимо, сердечный приступ, а может, еще что-то. Всеволод был крайне неважным врачом, его медицинский талант заканчивался перевязкой или зашиванием раны в полевых условиях. Еще двоих точно таких же покойников он обнаружил пару минут спустя, синеватые лица говорили о схожих диагнозах, да и

сами люди были преклонного возраста. Закончив осмотр, он вернулся к памятнику. За время его недолгого отсутствия людей прибавилось: помимо Аркадия, Алины и спасенной из «жука» женщины, на ступенях сидели два полица, один из которых по-хозяйски потрошил его рюкзак. Узнавание прошло мгновенно. Всеволод вскинул автомат, те схватились за свои «ксюхи».

– Рюкзачок оставьте, – держа рыжего сержанта на прицеле, приказал Бур.

– Пушку брось, и мордой в асфальт, – в свою очередь заорал рыжий.

– Э, нет, ребята, так дело не пойдет. Ваша юрисдикция кончилась в России, здесь вы два нуля.

– Вот именно что нас двое, – резонно возразил второй полица.

– Клоуны, чему вас только в школе полиции учат? Вы быстрее друг друга перестреляете, чем меня зацепите, а я вас одной очередью свалю. Так что опустите свои пукалки и давайте поговорим.

– Давайте все опустим оружие и спокойно все обсудим, – влез в разговор Аркадий.

Женская половина молчала, удивленно смотря на происходящее.

– Не о чем говорить, этот человек убийца, – отрезал сержант.

– Это правда? – спросила женщина из «жука».

– Это была самооборона, – продолжая держать полицейских на прицеле, ответил Бур. – Парочка подонков решила поизмываться над бродягой. И я их убил.

– Вы не похожи на бродягу, – заметила женщина.

– Видели бы вы его несколько часов назад, – заметил второй полица. – Бич самый натуральный. Где только прибахлится успел?

– Не ваше дело, – огрызнулся Всеволод. – На меня напали, и я защищался. И подонков этих мне ничуть не жаль, они заслужили свою смерть. Да и дело закрыто за отсутствием мира, в котором совершено. Так что предлагаю: давайте опустим стволы и поговорим спокойно.

– Ситуация и впрямь нестандартная, – обратился к полицейским Аркадий. – Давайте без нервов и шелканья затворами, а?

– Сначала он, – решился рыжий.

Всеволод пристально посмотрел ему в глаза – вроде бы желание стрелять у парня пропало. Можно рискнуть.

– Хорошо, опускаю, – согласился Всеволод, ствол пошел вниз.

Видимо, полицаи не горели желанием начинать стрельбу и последовали примеру Бура.

– А теперь давайте поговорим, – предложил Аркадий. – Какие претензии у вас к Всеволоду?

– Он убийца, – неуверенно заметил рыжий.

– Я защищался, – парировал Всеволод. – Конечно, если бы эти сосунки забили насмерть одного алкаша, вы бы и пальцем не пошевелили.

– Вот только не надо! Закон один... – начал было второй, с нашивками младшего сержанта.

– Да бросьте, – вмешалась женщина, – я в суде работаю. Даже перечислять не буду, сколько подобных дел развалилось. Что на самом деле случилось?

Полицаи опустили взгляд.

– Он сказал что-то не то, эти начали его бить. Там, в компашке, сынок нашего начальника был. Подполковника Конева.

– Который? – поинтересовался Всеволод.

– Который драку начал.

– Ну тогда не жалею, – ухмыльнулся Бур, – собаке – собачья смерть. А теперь, мужики, решайте, как будем дальше. Либо пойдете с нами, и я расскажу то, что узнал, либо валите на все четыре стороны. Мне с вами делить нечего.

– Да нам с тобой тоже, – заметил младший сержант. – То, что было там, – он неопределенно мотнул головой в небо, – осталось там.

– Меня это устраивает, – согласился Всеволод. – Давайте двигать с этой площади, нужно найти место под крышей, а то, сдается мне, скоро дождь ливанет.

Все подняли глаза к небу, которое прямо на глазах затягивало черными тучами.

– И правда, пора сваливать, – заметил Аркадий. Он с трудом поднялся и заковылял в сторону одного из домов, который вроде бы сохранился лучше остальных, а на первом этаже был какой-то большой магазин модной одежды.

Остальные пошли следом. Алина крепко вцепилась в руку спасенной из «жука» женщины и настороженно поглядывала то на Всеволода, то на полицейских.

Магазин оказался очень большим. Всеволод не мог судить о ценах – из учебника истории много не узнаешь. Понял, что в этом мире было две валюты: рубль и доллар. Причем за один рубль давали три с половиной зеленых бумажки. Глянув на ценники, он пришел к выводу, что магазин был очень дорогим, цены в нем изначально стартовали с цифр, в которых было не меньше четырех нулей. Да и одежда, висящая на вешалках, выглядела модно и красиво. Алина окинула магазин взглядом, полным тоски, после чего уселась на небольшой кожаный диванчик и уставилась в пустоту. Всеволод понимал ее состояние, но нужно было попробовать мобилизовать девушку, впадать в апатию сейчас было не самым лучшим решением.

– Алина, – присев рядом с ней, тихо позвал он.

Девушка не реагировала. Остальные уселись неподалеку и не вмешивались, Аркадий что-то тихо рассказывал, и, судя по бросаемым на них взглядам, это была история неудачного спасения семьи Алины.

– Алина, послушай меня, пожалуйста. Я понимаю твою горе, я виноват в том, что мне не удалось спасти твоих родителей, но сейчас не самое лучшее время для апатии. Нам нужно собраться и решить, что делать дальше, нужно понять, где мы, есть ли здесь еще люди, угрожает ли нам что-нибудь. Алина, ты слышишь меня?

– Слышу, – отведя взгляд от стены и посмотрев на Всеволода темными, почти черными, глазами, произнесла девушка. – Они не были мне родными, но любила я их как родных.

– Мне очень жаль, – тихо сказал Бур.

– Ты не виноват, – она посмотрела на остальных, – просто так случилось. И спасибо тебе за то, что спас меня. Если бы не ты...

– Это хорошо, что ты так думаешь, – взяв девочку за руку, тихо сказал Всеволод. – Пока ты их помнишь, они живы. А теперь нам нужно обсудить... все это. Ты присоединишься?

Алина кивнула. Вскоре они сидели на сдвинутых диванах и обсуждали события, которым стали свидетелями. Всеволод на правах первооткрывателя рассказал, как все это началось для него. Рассказал, что узнал из учебника, откуда оружие. Дальше говорили остальные. Истории у всех были похожими: земля начала трястись, все попадали, толчки становились все мощнее, а потом... они оказывались в разрушенном незнакомом городе. Например, семья Алины въезжала на мост, а оказалась на берегу провала. Карина, так звали женщину из «жука», просто ехала по делам, но угодила в разлом асфальта, который возник совершенно неожиданно прямо перед машиной, а когда очнулась, то ее «жучок» валялся перевернутый на незнакомой площади. Аркадий оказался здесь, выходя из продуктового магазина, упал со ступеней, подвернув ногу и ударившись головой, когда очнулся, понял, что лежит на краю площади. А вот с полицейскими вышло все по-другому. Рыжего звали Гошей, а младшего сержанта Колей.

– Мы попали в этот мир одновременно с тобой, – бросив на Всеволода неприязненный взгляд, начал Гоша.

Всеволод давно понял, что по какой-то причине именно сержант в этой паре старший не только по званию, его авторитет для Николая был абсолютным.

– Когда машину занесло на повороте, – продолжал рыжий, – я не справился с управлением и влетел в зад припаркованной «четверки». А вот дальше началось самое интересное: меня сильно приложило о руль, а Колю о приборную доску. Когда мы пришли в себя, не было ни машины, ни задержанного, да и вообще ничего знакомого, кроме наших «калашей». Мы лежали на земле возле какого-то незнакомого дома странной круглой формы, словно на нем кто-то эксперимент ставил. Надо сказать, дом вышел довольно уродским. Очнулись мы где-то на рассвете, еще только начинало светать.

– Вот как, – прервал его Всеволод. – Выходит, либо вы позднее переместились, либо валялись без сознания больше пяти часов, поскольку я попал сюда в сумерках.

Оба полицаю просто пожали плечами. Гоша продолжил:

– Мы встали и пошли по городу, пытаюсь понять, где находимся. Повсюду были следы войны, но чем ближе к центру, тем меньше. Когда все стало рушиться, мы забежали в какой-то подвал, где нас завалило, потребовалось время, чтобы выбраться наружу. Потом мы вышли на площадь и увидели людей у памятника.

– Ну и какие соображения насчет случившегося? – выслушав всех, поинтересовался Всеволод.

– Если вы позволите, я выскажусь, – раздался у них за спиной слегка дребезжащий голос пожилого человека.

Все резко обернулись. Возле вешалок стоял крепкий высокий старик с совершенно седой гривой – именно гривой, какие бывают у львов.

– Я астрофизик, – продолжил старик, присаживаясь на диван рядом с Кариной. Казалось, он не чувствовал ни малейшего дискомфорта от того, что на него направлен ствол автомата. – Александр Николаевич Спасский. И я могу пролить свет на то, что произошло. В этом отчасти есть и моя вина... хотя, наверное, не только моя. Но это уже неважно. В тот момент, когда Всеволод очутился в этом мире, мы проводили один очень важный эксперимент, связанный с искривлением пространства. И все изначально пошло не так. Сила, которая должна была открыть врата, вышла из-под контроля и стала притягивать миры друг к другу. При этом сила притяжения росла так быстро, что мы не успели отключить оборудование. На самом деле не вы оказались здесь первым, а наши научные сотрудники. А теперь конкретно к тому, что произошло. Видите ли... согласно нашей теории, пространство состоит из сотен миров, точных копий нашей Земли. И у каждого из них своя история и своя судьба. Целью эксперимента было открыть дверь в ближайший мир, но вместо этого мы как-то притянули наши миры друг к другу. И две реальности, которые никогда не должны были соприкоснуться, слились в одну. Всеволод стал одной из первых жертв. Почему он переместился сюда вместе с машиной, а господа полицейские нет, я не понял, да сейчас это и неважно. Важно то, что мы получили совершенно новый мир, слив две реальности, наложив их друг на друга. Например, это объясняет реку, которая разорвала этот город надвое, это река Клязьма, которая текла мимо нашего города.

– Перегрузка, – выдал Бур и откинулся на спинку дивана.

Никто не улыбнулся, все понимали, что это не шутка, у всех было схожее чувство.

– И что дальше? – спросила Алина. Она выглядела очень напуганной, и не она одна.

– Дальше? – Спасский снял очки и потер переносицу. – Не знаю. По моему скромному мнению, есть несколько вариантов развития событий, но... каждый из них не шибко приятный.

– Выкладывай, профессор, – попросил Гоша.

– Как хотите, – отозвался тот, водрузив очки на место. – Вариант первый – терпимый. Эта волна была лишь началом слияния, дальше пойдет следующая, за ней еще одна и еще, и так до тех пор, пока два мира не сольются окончательно. Этому будут сопутствовать различные катастрофы. Например, посреди этого города может появиться вулкан. Или на нас обрушится гигантское цунами из Тихого океана.

– И это – терпимый вариант? – вытаращив глаза, спросил Николай.

– Вполне, – кивнул профессор. – Другие куда хуже. Например, слияние произойдет одним махом и Вселенная, не выдержав такого надругательства, просто взорвется, погубив сотни миров. Или – взорвутся только два наших мира, устраняя возникший дисбаланс. Вы играете в бильярд, молодой человек?

Младший сержант кивнул.

– Представьте, что наш прибор – кий, а миры – это бильярдные шары. Если их выстроить в ряд и ударить по первому, что произойдет?

– Они столкнутся, – понимая, куда клонит профессор, угрюмо заметил Всеволод.

– Именно, – согласился Александр Николаевич. – А теперь представьте, что столкнутся сотни миров? И сольются в один?

– Песец, – емко и четко констатировал Гоша.

– Почти верно, – согласился с ним астрофизик. – На вашем месте я бы не стал стесняться в выражениях, но, поскольку с нами женщины, ограничимся именно этим термином.

– Так, а хорошие новости есть? – спросила Карина.

– Есть, – обрадовал всех профессор.

– Тогда выкладывайте, – попросил Всеволод. – Нам сейчас любое утешение пригодится. Нужен заряд оптимизма.

– Не уверен, что хорошие новости прибавят вам оптимизма, – ухмыльнулся Александр Николаевич, – но попробую вас обнадежить. Мы доподлинно знаем о существовании двадцати шести миров, но, как я и сказал, их намного больше. А теперь оптимизм: наши два мира – последние в цепочке. Мы пробивали дорогу к крайнему. Возможно, что сольются только два мира. Но...

– Твою мать, профессор, что еще за «но»? – не сдержавшись, рявкнул Коля.

– Но, если учитывать прежнюю теорию бильярда, отразившись от борта, крайний шар толкнет предыдущий, тот – другой и так далее, все зависит от силы удара. Я не могу сказать, какова она была, выражаясь фигурально. Все мои сотрудники погибли при переходе, лаборатория раскурочена, так что теперь мы можем только гадать. Если дело ограничится всего двумя мирами, я буду несказанно счастлив. Как-то не очень лестно считать себя убийцей десятков миров и триллионов живых существ.

– Я всегда знал, что мир погубят яйцеголовые, – выдохнул Гоша.

– Ты забавный парень, – заметил Всеволод. – А кто его еще мог погубить?

– В каком смысле? – не понял сержант.

– Блин, да в таком! Например, порох придумали ученые монахи в монастыре. Потом Оппенгеймер изобрел ядерную бомбу. Развитие науки уничтожило экологию. Так кто еще мог погубить Землю?

– Вы правы, молодой человек, – легко согласился Спасский. – Правда, хочу напомнить: мы не специально изобретали ядерную бомбу – мы изобретали ядерный синтез, чтобы найти идеальный источник энергии. Это военные превратили его в «Малыша» и «Толстяка», стремясь обзавестись мощнейшим оружием. Разве нас можно винить?

– Может, вы и правы, – нехотя согласился Всеволод. – Но все равно существуют боевые вирусы, отравляющие газы и еще куча всего. Подозреваю, что этот мир погубили нанотехнологии.

– Опять же, – возразил профессор, – все, что вы перечислили, – побочные продукты исследований. Например, боевые вирусы – не что иное, как бракованная версия нормальных штаммов, которые могут лечить различные заболевания. Не стоит все валить на нас. Все хороши.

– Хватит, – одернула их Карина. – Сейчас не время для дискуссии на тему «кто виноват?». Время для обсуждения извечного вопроса русской интеллигенции: «что делать?».

Спасский и Бур пристыжено кивнули.

– Все верно, – согласился Всеволод, – сейчас не время сводить счеты. Так что делать, профессор?

– Я не знаю, – пожал плечами астрофизик. – Я кабинетный ученый, а не спец по выживанию, у меня слишком мало информации. Если бы я точно знал, что произойдет через тридцать минут, то, наверное, сказал бы, что в данный момент лучше забиться в подвал или, наоборот, подняться повыше. Но я не знаю.

– Придется действовать по обстоятельствам, – решительно сказал Всеволод. – Господа полицаи, я надеюсь, наши разногласия забыты?

– Какие теперь разногласия? – заметил Гоша. – Да и прав ты был, чего душой кривить. Собаке – собачья смерть. Мы вместе.

Николай говорить не стал, но согласно кивнул.

– Это радует, – довольно заметила Карина. – Нам нужно держаться вместе. Как мы уже успели убедиться, Всеволод – человек действия. Несмотря на его прошлое, я верю, что он окажется очень полезным членом нашего маленького сообщества.

– Спасибо за столь лестную оценку, – иронично усмехнулся Бур.

– Так какой план? – спросил Спасский.

– Для начала нужно понять, грозит ли нам еще что-нибудь, – резонно заметил Аркадий. – Но, поскольку ответа на этот вопрос нет, во всяком случае – именно в этот момент, нам нужно найти какое-то временное пристанище и продукты.

– Идея не так плоха, – согласилась с ним Карина. – Я с утра ничего не ела.

Всеволод подтолкнул к ней рюкзак:

– Там две банки консервов и два ИРПа. Но этого все равно мало. Правда, на то, чтобы подкрепиться, хватит.

– Консервы, – скривилась женщина.

Мужчины удивленно посмотрели на нее.

– Милочка, – ухмыльнувшись, произнес Спасский, словно перед ним сидела дебелая дурочка, – забудьте о фигуре, о фитнесе и модных шмотках, элегантных машинах и прочем. Вы находитесь в самом центре апокалипсиса, и, думаю, если мы уцелеем, вы еще не скоро сходите в престижный ресторан.

– Да я не это имела в виду, – обиделась Карина. – Я все понимаю, просто не люблю консервы, мой отец был страшным романтиком и постоянно вывозил всю семью на природу – то в лес, то в горы. Когда я повзрослела, первым делом сказала «нет» подобному образу жизни. Думала, что не увижу консервов до конца жизни...

– Думаю, при теперешней ситуации подобный жизненный опыт вам поможет намного больше, чем диплом по праву, – ехидно заметил Аркадий.

– Наверное, вы правы, – кисло заметила Карина. – Всеволод, не возражаете? – Она кивнула в сторону рюкзака.

– Конечно, нет, – прикуривая, ответил Бур. – Все желающие могут подкрепиться. На спиртовке можно разогреть чай или кофе. Конечно, они не слишком хороши, но все же лучше, чем ничего. Это топливо, которое нам понадобится.

Чтобы не портить другим аппетит сигаретным дымом, он отошел к выбитой витрине магазина. К нему присоединился рыжий сержант.

– Что думаешь? – тихо спросил он, доставая пачку «LD» и пересчитывая сигареты, после чего тяжело вздохнул и прикурил.

– Жопа, – коротко и емко охарактеризовал ситуацию Бур. – Посмотри на небо. Это не какая-то там гроза. То, что сейчас обрушится нам на головы, будет настоящим ураганом, если не тайфуном.

Гоша согласно кивнул. На город напознала не просто туча – это была самая настоящая тьма, порывистый ветер все усиливался, он мощно раскачивал чудом уцелевшие деревья, которые под его натиском уже начинали потрескивать. В небе клубились черные грозовые облака, внутри которых сверкали молнии – молнии с большой буквы.

– Здесь нельзя оставаться, – подойдя к мужчинам, заметила Карина, она держала в длинных и изящных пальцах тонкую сигарету. – Дадите девушке прикурить?

Всеволод чиркнул зажигалкой и поднес ее к сигарете.

– Она права, – согласился Гоша, – здесь нам будет тяжело.

Он обернулся в сторону спутников, вскрывающих консервы.

– Нужно как можно быстрее уйти отсюда, – и он посмотрел на Всеволода, явно спрашивая его одобрения. Как-то незаметно бывший бомж стал лидером маленького отряда.

– Поедим и уходим, – решил Бур. – Вот только куда?

– Там человек, – крикнул Гоша, указывая на пятиэтажку, которая выросла из огромного здания мэрии.

Всеволод резко развернулся, доставая из кармана небольшой цифровой бинокль.

– Третий этаж, прямо рядом с обвалившимся подъездом, – скоординировал сержант.

Бур навел бинокль. Здание, находящееся почти в полкилометре, мгновенно приблизилось. У окна с выбитыми стеклами стояла женщина и активно размахивала руками, пытаясь привлечь их внимание.

– Что будем делать? – спросил подбежавший Николай.

– Пойдем за ней, – решительно заявил Всеволод. – Я ее не оставлю.

– Это рискованно, – заметил Игорь. – Подъезд обвалился, быстро на третий этаж не залезть. И скоро начнется потоп.

– Ты предлагаешь ее там бросить? – холодно спросил Аркадий, приковылявший к ним.

– Никто никого не бросит, – с расстановкой, чеканя каждое слово, произнес Бур и побежал через площадь. – Ждите здесь, – не оборачиваясь, крикнул он. – А если будет совсем плохо, сваливайте.

Ветер буквально сбивал с ног. Если бы Всеволод был килограммов на двадцать легче, то не хуже Мэри Поппинс улетел бы... к чертовой матери. Добравшись до развалин, он обернулся: у витрины магазина собрались все. Рассмотреть с такого расстояния эмоции на их лицах было невозможно, но он чувствовал, что за него переживают. Это было приятно. Последние десять метров пришлось карабкаться по обломкам мэрии: города хоть и наложились друг на друга, но остатки города, что был здесь изначально, никуда не делись. Бур по обломкам добрался до окна второго этажа, прямо под квартирой, в которой находилась женщина. Забравшись в окно, Бур быстро окинул помещение взглядом. Несмотря на хаос разбросанных перемещением вещей, в глаза бросалась бедность обстановки. Да и дом этот Всеволод узнал – такие пятиэтажки, построенные в середине прошлого века, стояли в центре города и никогда не были элитным жильем. В таких квартирах обычно доживали свой век старики. Он не ошибся: труп пожилого мужчины, который явно разменял седьмой десяток, обнаружился в углу, придавленный диваном. Но умер он не от этого. Скорее всего, не выдержало сердце. Что же, Вселенная включила естественный отбор, люди со слабым сердцем просто не могли преодолеть границу сливающихся миров.

Всеволод пробежался по всей квартире и в туалете обнаружил то, что искал: задняя стена дома обвалилась, и теперь при наличии ловкости женщина могла спрыгнуть вниз.

– Эй, идите сюда, – закричал Бур, перекрикивая ветер. – Вы слышите меня? – Для пушного эффекта, схватив кирпич, он несколько раз двинул по чудом устоявшему стояку.

– Я здесь, – послышался сверху растерянный голос. – Но я ничего не понимаю.

– Спускайтесь, нужно как можно быстрее уходить отсюда.

– Как? – спросила женщина, осторожно наклонившись, пытаясь увидеть Всеволода.

– Просто, повисните вон на том куске арматуры и прыгайте вниз, расстояние будет всего метра полтора.

– Я не могу, – крикнула женщина.

– Еще как можете, – начиная злиться, крикнул Всеволод. – Скоро здесь будет ад, и этот домик вместе с вами просто развалится. Торопитесь.

– Я не могу бросить мужа. Он без сознания, на него упала полка.

– Черт, – выругался Всеволод. Того, что в квартире мог быть еще кто-то, он не учел.

Бур огляделся: разбитая чугунная ванна и стиральная машина – вот и все, что уцелело. Если встать на стиралку, то можно, подпрыгнув, ухватиться за арматуру, а дальше дело гимнастики. Первые два пункта выполнить оказалось легко, но вот подтянуться и залезть оказалось сложнее – сказался недавний образ жизни и полное отсутствие нагрузок. Но, после довольно длительного трепыхания, Всеволод кое-как подтянулся и перебрался в квартиру.

Женщина, схватив Всеволода за руку, поволокла в комнату, где на диване лежал парень лет двадцати. Странно, женщина выглядела старше. Одного взгляда на парня хватило, чтобы понять: он уже никуда не пойдет.

– Он мертв. И нам пора, а то станем точно такими же.

Женщина застыла, глядя остекленевшим взглядом на лежащее перед ней тело.

– Это ты во всем виноват! – неожиданно выкрикнула она и кинулась на Всеволода с кулаками.

Бур растерялся, под градом посыпавшихся на него ударов он отступил на несколько шагов, не зная, что предпринять. Нужно было спешить, за окном быстро темнело, порывы ветра становились все сильнее, а в плохо защищенном от непогоды магазине его ждут люди, за которых он вроде как теперь отвечает.

– Послушайте, – отступив на шаг и перехватив руки женщины, произнес Всеволод, – я не виноват в смерти вашего мужа. Вы ему уже ничем не поможете, скоро здесь будет страшная буря и если мы останемся, то погибнем.

Но женщина не слышала его слов, это было безумие, овладевшее ее разумом после страшного известия о гибели близкого человека. Она с силой медведицы продолжала вырываться. Бур реально понимал, что если она не пойдет сама, то он не сможет для нее ничего сделать. Против женских истерик он знал только одно средство. Звонкая пощечина на краткий момент ошеломила ее, Всеволоду даже показалось, что в глазах промелькнул свет разума, но это длилось лишь краткий миг. Неожиданно сильный удар в челюсть едва его не опрокинул. Бур никак не ожидал подобного от женщины, во рту появился привкус металла, а из скулы, рассеченной небольшим перстнем с выступающим камнем, хлынула кровь. И Всеволод решился. Наверное, ему до конца жизни придется сожалеть об этом поступке, но, поступи он иначе, сожалеть пришлось бы не так долго. Выруби он женщину, все равно не смог бы спустить ее вниз и дотащить до магазина. Нужно было спасаться самому, возиться с буйнопомешенной было некогда, время, отпущенное ему, утекало словно вода. Сделав наконец выбор, Бур оттолкнул женщину прямо на тело мужа и рванул к разрушенному туалету. Ухватился за арматуру и спрыгнул вниз, через доли минуты он уже бежал по площади, подгоняемый в спину ураганым ветром. Лишь на секунду обернулся, чтобы посмотреть на окно квартиры, в которой бросил женщину. За сегодня это был уже не первый человек, которому он не смог помочь.

– Где женщина? – спросил Николай, когда подгоняемый сбивающим с ног ветром Всеволод влетел в магазин.

– Там, – хмуро ответил Бур. – Поели?

Рыжий сержант кивнул.

– Тогда сваливаем отсюда, – скомандовал Всеволод. – Я, пока бежал, этот дом неплохо разглядеть смог. Верхние этажи смело подчистую, но первые три совершенно целы, даже окна

не выбиты, справа от нас широкий вход, здание офисное, так что, думаю, можно попробовать переждать бурю в нем. Правда, окон многовато, но выбирать не из чего.

– Слишком много времени потеряли, – намекая на миссию спасения, тихо сказал Николай.

Бур промолчал. Он понимал, что рисковал этими людьми, и в данной ситуации рисковал зря. Всеволод подхватил рюкзак и первым пошел к выходу, остальные молча потянулись за ним. Никто не задавал вопросов о произошедшем с женщиной, сейчас было не до того. Но... Бур знал, что, как только они окажутся в относительной безопасности, этот вопрос непременно всплывет.

Большие стеклянные автоматические двери были не заперты, но, поскольку электричество отсутствовало, пришлось раздвигать их вручную. Пропустив людей, Бур взял брючный ремень, прихваченный в магазине, и намотал на металлические ручки, надежно их заблокировав. Луч фонаря заметался по вестибюлю, выхватывая стойку администратора, пост охраны, большую лестницу, ведущую наверх.

– Проверьте ящики за стойкой, – попросил он. – Может, найдем что-то полезное.

Николай не стал заморачиваться с обходом, а просто перепрыгнул, приземлившись на кресло и полетев на пол, вызвав у всех улыбку своим неуместным лихачеством. Поднявшись и одарив присутствующих смущенным взглядом, он быстро осмотрел ящики. В двух хранились какие-то журналы учета, а вот в нижнем нашлись кружка, банка с кофе, фонарь и пачка печенья. Фонарь оказался мощным, фактически прожектор, и света существенно прибавилось.

– Журнал возьми, – попросил Всеволод.

Николай кивнул и взял регистрацию посетителей.

– Наверх? – спросил Гоша.

Всеволод кивнул. Поскольку лифт не работал, сразу пошли к лестнице, где было совершенно пусто, тихо и чисто.

– Сейчас осмотрим или выше пойдем? – поинтересовался Аркадий, мотнув головой в сторону двери, ведущей к офисам. Его поддерживала Карина, поскольку нога распухла, и ходить ему было тяжело.

– Выше, – ответил Всеволод, – сначала база, потом все остальное. – И, подавая пример, пошел дальше. На третьем этаже он остановился. – Все, стоп. Не думаю, что стоит карабкаться в заоблачную высь, пятый и шестой этажи наверняка пострадали сильнее, нас может залить сверху. Остановимся здесь, понадобится – поднимемся, промочит сверху – спустимся.

Никто не спорил, Игорь распахнул дверь, на всякий случай наводя на проем ствол своего автомата, Николай быстро осветил помещение, внутри оказалась типичная система штаб-офисов – огромное помещение, заполненное множеством секций. В конце за стеклом довольно большой кабинет, в котором наверняка заседал главный менеджер, или как они там называются?

– Туда, – указал на кабинет Всеволод.

Никто не спорил, решение было разумным – довольно большое помещение для шести человек. Да и мебель кое-какая присутствовала: кожаный диван и пара кресел, которые, если сдвинуть вместе, могли вполне сойти за лежанку, на которой легко разместится невысокая Алина.

Вещей ни у кого не было, поэтому расположились быстро. Аркадий плюхнулся в кресло и блаженно вытянул вывихнутую ногу.

– Давайте я посмотрю, – подойдя к нему и садясь рядом, попросила Карина. – Я хоть и не медик, но кое-чему научилась в походах.

Всеволод открыл рюкзак и кинул ей один из медпакетов:

– Займись его ногой, запускать нельзя.

Аркадий молча кивнул, соглашаясь. Николай в это время успел обыскать шкафы и ящики в столе. Его добычей стала упаковка чая, банка кофе, две пачки печенья, полупустая коробка конфет и бутылка коньяка с незнакомым названием. Оглядев трофеи, Всеволод улыбнулся.

– М-да-а-а, без сладкого не пропадем. Но я бы предпочел коробку тушенки.

– Я бы тоже, – согласился с ним Гоша. – Общем офис?

Всеволод хотел кивнуть, но не успел. От близкого раската грома заложило уши. За окном разверзлись хляби небесные. Бур подошел к окну и отодвинул жалюзи, стена воды надежно отрезала их от мира, обзор сократился до трех метров, да и на этом расстоянии разглядеть, что конкретно происходит, было затруднительно. Все время вспыхивали ярчайшие вспышки молний, словно кто-то постоянно фотографировал, озаряя помещение ярким белым светом.

Сзади подошел Спасский, с момента возвращения Всеволода он не сказал и пяти слов, слушался беспрекословно, права не качал, вот и сейчас молча встал рядом и замер, глядя на потоп.

– Сожалеете? – тихо спросил Всеволод.

Профессор кивнул.

– Я и мой эксперимент – причина гибели множества людей, – после небольшой паузы произнес он. – Мои сотрудники, родители Алины, те люди на площади, женщина, а сколько их еще в домах, которые выросли здесь и рассыпались под ударами волны?

Всеволод промолчал, сказать было нечего, профессор совершенно прав – это его вина.

– Ничего, Александр Николаевич, мы живы, а там видно будет. – И пошел к сидящему на столе сержанту, оставив астрофизика терзаться в одиночестве. Он чувствовал, что компания тому сейчас не очень нужна.

– Гоша, давай осмотрим помещение, нам пригодится все, что сможем найти.

Игорь кивнул и, прихватив второй фонарь, пошел следом за Буром.

На осмотр ушло почти два часа. Ящик тушенки, о котором так мечтал Всеволод, обнаружить не удалось, зато было найдено много чая, кофе, печенья, различных конфет. Все же лучше, чем ничего.

– Как ты думаешь, что это такое? – спросил Игорь, протягивая что-то вроде консервной банки, внутри которой в мелкую сеточку был расположен стеклянный полый цилиндр.

Всеволод взял устройство в руки и внимательно осмотрел со всех сторон.

– Знаешь, у меня только одна идея, – спустя минуту ответил он и повернул небольшое кольцо на доньшке. Помещение сразу залило тусклым ровным желтым светом.

– Лампа, – подвел итог Игорь.

– Вроде того, – согласился с ним Всеволод, – думаю, это что-то вроде аварийного фонаря, может, это заменяло им свечи. Интересно, сколько она сможет работать без подзарядки?

Сержант пожал плечами.

– Одна такая?

Игорь показал два пальца.

– Лучше, чем ничего. Думаю, нужно облазить все доступное здание и стащить сюда все незнакомое. Может, еще чего полезное найдем, пяток таких ламп нам бы точно не помешал.

Весь оставшийся день они обшаривали офисы второго и четвертого этажей. Осмотр четвертого оказался не слишком приятным занятием. Слияние миров обрушило верхние этажи здания, и теперь сквозь трещины в потолке на пол тонкими струйками текла дождевая вода. Камуфляж местных мотострелков был великолепен: в отличие от полицейских, которые шарились вместе с ним, Всеволод остался совершенно сухим, если не считать мокрых волос на голове. Зато гора трофеев, лежавших в углу кабинета, увеличивалась. Всеволод стаскивал туда незнакомые на вид приборы, газеты и журналы. Только печенья набралось около двадцати килограммов. Кстати, либо мир обезлюдел совсем недавно, либо местное печенье очень хорошо хранится. С водой проблем не было, достаточно было высунуться из окна с маленьким

пластиковым ведром. Одна минута – и пять литров воды в твоём распоряжении. На вид она была вкусной и чистой, но Всеволод на всякий случай швырнул в ведро одну дезинфицирующую таблетку. Конечно, одной было мало, но их и так оставалось всего двенадцать.

– Как думаешь, долго это будет продолжаться? – подсаживаясь к нему и расчесывая густые угольно-черные волосы, спросила Карина.

Всеволоду не надо было объяснять, о чем она говорит. Он подтащил к окну несколько стульев, на одном из них сидел сам, на другой закинул ноги, у третьего отломал подлокотники и поставил между ними. Получился не очень удобный лежак, но это было лучше, чем лежать просто на ковролине. За окном уже много часов бушевала буря, из-за черных облаков, которые надежно скрыли солнце, было неясно, день сейчас или ночь. Хотя электронные часы на автономном питании, стоявшие на столе, показывали, что сейчас половина третьего ночи.

– Почему мне знать? – пожал плечами Всеволод. – Может, закончится к утру, может, через сутки. Если все будет совсем плохо, то на неделю здесь застрянем. Мы пока в безопасности, строили местные хорошо. Четвертый этаж хоть и проливает, но на нас не льется, понадобится – спустимся на второй. Ветер ураганный, но окна держат. Так что ждем.

Карина кивнула, соглашаясь. Всеволод был прав, оставалось только ждать. На улицу выйти было нереально, ветер моментально сбил бы с ног, опрокинув человека в воду, которой уже немало скопилось на площади. К сожалению, здание, в котором они укрылись, оказалось в низине, и вода едва не заливала холл. Значит, ее уровень был примерно около метра от поверхности. Скорее всего, в магазине одежды, где они укрывались сначала, вода уже стояла выше пояса.

– Выяснил что-нибудь? – кивая на газеты, лежащие на столе, спросила она.

Бур задумчиво кивнул.

– Но не много, – после небольшой паузы ответил он. – Последняя газета датирована двадцать шестым мая, по местному календарю – это пять дней назад, если считать, что сегодня первое июня. Значит, либо двадцать шестого, либо в ночь на двадцать седьмое что-то произошло. Мы обсудили прочитанное со Спасским и пришли к выводу, что здесь началась Третья мировая. Последний год между Московской Империей и западным блоком были очень натянутые отношения. Вернее будет сказать – «ожидание войны». В прессе вскользь упоминаются наноракеты как оружие сдерживания. Скорее всего, по какой-то причине оно было пущено в ход, но нам не удалось понять принцип действия. И непонятно, погиб только этот город или вообще все и что за боевые действия здесь велись? Короче, есть о чем подумать.

– Что произошло с женщиной, которую ты пошел спасать? – задала вопрос Карина, но Всеволод сразу понял, что вопрос пришел от всех сразу, и сейчас все присутствующие, кроме Алины, которая тихо спала на диване, поджав под себя ноги, внимательно вслушиваются в их разговор. – Всем интересно, что случилось.

Бур привстал и повернулся, он оказался прав: Николай и Игорь сидели на вертящихся креслах шагах в трех, профессор стоял возле двери, подпирая стену, а Аркадий, вытянув ногу, обмотанную бинтом, развалился в кресле, но прекрасно все слышал.

– Я так понимаю, это вопрос от всех? – спросил Всеволод, глядя в окно.

– Да, – раздался за спиной голос астрофизика. – Это не от недоверия к тебе, мы просто должны знать.

– Я не знаю, правильно ли поступил, – наконец сказал Всеволод, – но спасти ее я не смог.

– Рассказывай, Сева, – фамильярно попросил Аркадий.

Говорить об этом Бур не хотел, но... так было необходимо для сохранения коллектива. Он быстро пересказал, как добрался до женщины, и нехотя поведал о том, что произошло в квартире.

– Хм, – раздался за спиной голос Александра Николаевича. – Сколько, ты говоришь, ей было?

– Я бы сказал, около сорока.

– А парню двадцать?

– Ну, может, плюс пара лет, но в мамки она ему точно годилась.

– В принципе, картина ясна, – подвел итог Игорь. – Баба в возрасте, молодой муж, последняя возможность на счастье, вот и тронулась умом, когда тот помер. Такого я, конечно, не видал, но был случай, когда муж сначала жену топором грохнул, а потом оборонял ее от всех в течение трех часов. Его врачи забирали. Знаешь, здесь нет твоей вины, так что – проехали.

Остальные явно согласились с мнением сержанта. Всеволод незаметно перевел дух, обвинение легло бы на его плечи тяжким грузом. Он считал, что поступил правильно, но в глубине души оставалось мерзкое чувство... Он же бросил ее погибать. И если бы люди, с которыми он вынужден находиться вместе, осудили его, стало бы намного тяжелее. Карина какое-то время сидела рядом, молча смотря в окно.

– Тебе бы побриться не мешало, – поднимаясь, сказала она, – щетина у тебя выглядит просто отвратно.

– А чего ты хочешь от пьяницы? – ехидно заметил Николай.

Всеволод повернулся и наградил его презрительным взглядом.

– Люди спиваются по разным причинам. Рядом со мной не было человека, который помог бы пережить то, что терзало меня два года.

– Колян, завари свою пасть, – попросил Игорь, – пока я этого не сделал.

Коля примирительно поднял руки и заткнулся, последовав совету сержанта. Бур благодарно посмотрел на Игоря и снова уставился в окно. Снаружи по-прежнему грохотал гром и сверкали молнии. Но Всеволоду казалось, что разряды стали тише, а молнии были уже не такие яркие. Если это не галлюцинация, то гроза медленно уходила. Игорь подсел на освободившееся после Карины место.

– Слушай, Всеволод, откуда я тебя знаю, ведь еще в парке понял, что где-то видел тебя?

Бур пожал плечами:

– Может, на улице, я часто бутылки собирал, да и ваши меня пару раз запихивали в «обезьянник»?

– Не, – мотнул головой сержант. – Ты ведь воевал?

Всеволод кивнул.

– Третья чеченская?

Снова кивок:

– Морпех, тихоокеанец.

– Точно, – хлопнув себя по лбу, воскликнул сержант. – Ты – Бур! Тот самый старший лейтенант, что стрелял в генерала Донского.

Всеволод промолчал.

– Дай руку пожму, – попросил Игорь. – Мы с ребятами за тебя не одну рюмку подняли.

Бур удивленно посмотрел на сержанта.

– Не удивляйся, ты в армии легенда. Многие хотели бы быть на твоём месте. И кто-то на нём даже оказался. Ведь Донского в итоге хлопнули прямо на ступенях Министерства обороны.

– Какой смысл хранить эту тайну? – ухмыльнулся Всеволод. – Мы в такой жопе, что теперь скрывать нет никакого смысла. Я его грохнул. У одного пьянчуги купил охотничий СКС – и нет ублюдка.

– Ну ты даешь! – в восхищении воскликнул сержант. – Знаешь, я проникся уважением к тебе, когда ты на помощь женщине побежал, а теперь не знаю даже, кто ты для меня... наверное, просто герой.

– Странно, ты не похож на восторженного юнца. Сколько тебе? Двадцать пять? Мы ведь ровесники.

– Двадцать четыре недавно исполнилось, – поправил Гоша. – И дело не в восторге. Понимаешь, не знаю, как объяснить... эта мразь отправила на смерть пять тысяч парней, просто на убой, как скотину. Ему было плевать, сколько нас погибнет во время этого штурма – тысяча, пять, десять: только одна фраза – выполнить и доложить. Главное, чтобы сделано это было к определенному часу.

– И что ты мне азбучные истины рассказываешь? – поинтересовался Всеволод. – Все знали, кто такой генерал-майор Федор Донской.

– Да нет, я тебе не истины рассказываю. Просто объясняю свою реакцию. Сейчас рядом со мной сидит человек, который свершил акт возмездия. Эта мразь не сумела воспользоваться плодами наших побед и получить дивиденды с погибших ребят.

– Ты хочешь сказать, что, убив его, я расплатился за них?

Игорь кивнул.

– Тебе не кажется, что жизнь этой мрази не стоит и одного волоса с головы погибшего там срочника?

– Все, я запутался, – сдался Игорь.

– Да, я расквитался за ребят, но это не все – я просто остановил его. Через два дня президент в Кремле должен был вручить ему награду за чеченскую кампанию. Такого я допустить не мог, чтобы эта сволочь носила награду за бессмысленную смерть тысяч молодых парней. Вот в чем смысл. В первый раз мне это не удалось, второй раз я все сделал правильно. Ты знаешь, что меня представили к «герою России»? Я стрелял в него прямо на плацу перед строем, когда он объявил мне об этом, и чертов пистолет заклинило. Бывает такое, бракованный патрон перекосило. Но я доделал и даже не попался. Теперь ты видишь, чего мне это стоило. Меня выперли из армии, я спивался, от меня ушла невеста, я потерял друзей. Вот цена этого поступка. Но я не жалею. Я не герой – просто человек, который остановил одного ублюдка. Хотя это бесполезно, на место одного всегда приходит другой. Правда, я оказал ему услугу, эта мразь стала мучеником, героем страны. Вот цена моего выстрела.

Игорь встал и резко вскинул правую руку к виску, после чего по-военному развернулся и пошел к остальным.

Всеволод некоторое время смотрел в спину сержанту, потом снова отвернулся к окну. Странно, они почти ровесники, два года разницы, но мыслят совершенно по-разному. Бур устало закрыл глаза, нужно отдохнуть, впереди много дел, нельзя быть разбитым. Впервые за последнее время он засыпал трезвым, а не в стельку пьяным.

Проснулся Всеволод хорошо выспавшимся и отдохнувшим. Бросил взгляд за окно, если что-то изменилось, то изменилось не сильно: стена воды, вспышки молний, гром – все было на месте.

– С добрым утром, – раздался с соседнего кресла голос Алины. Она уже не была такой грустной и подавленной, девушка просто смирилась с тем, что произошло накануне.

– А оно доброе? – улыбнулся ей Всеволод.

– Наверное, – немного подумав и бросив быстрый взгляд на окно, ответила она. – Мы живы, здесь сухо и тепло, есть куча печенья. Так что не все так плохо. Худшее, что нас ждет, отсутствие огня. Николай и Аркадий уже обсуждали, где удобней развести костер, сошлись, что самый лучший выход – это лестничная площадка. Деревяшки здесь немного, но мы можем рассчитывать на горячий чай или кофе хотя бы пару раз в сутки.

– Разумно, – согласился Всеволод, – там сплошной бетон, гореть нечему, а благодаря провалу на четвертом этаже будет вентиляция.

– Кому кипятку? – раздался голос Николая.

Всеволод обернулся, младший сержант держал в руках литровый металлический плафон в виде шара, из которого шел пар.

– Всем, – ответил астрофизик, – кружек у нас много, и выбор напитков большой.

Бур перебрал банки с кофе, выбрал т у, запах которой ему больше всего понравился.

– «Верок», – взяв у него банку и понюхав содержимое, прочел Аркадий, – недурственный запах, поделишься?

– Угощайся, – улыбнувшись, разрешил Бур, заливая кипятком в кружку. Сделав глоток, зажмурился, прислушиваясь к ощущениям, кофе действительно был великолепен. – Алина, ты права, утро становится реально добрым.

Все засмеялись.

День коротали за картами, больше делать было нечего, лампы, найденные Игорем, работали исправно и даже не думали угасать.

– Вроде проясняется, – заметил Спасский, ходивший курить в основной офис.

Всеволод раздвинул жалюзи.

– Похоже на то, – согласился он с профессором. – Думаю, к утру развеется.

– Дай бог, – прошептала Карина, сидевшая неподалеку.

Глава 3

Один в поле воин

Всеволод вскочил всего за несколько секунд до первого толчка, здание содрогнулось, но устояло.

– Подъем, – что было сил заорал он. – Хватайте вещи и выметаемся, еще одного толчка дом не переживет.

Сонные люди, с трудом осознавая, что происходит, суетливо принялись собираться. Бур заранее предусмотрел подобное развитие событий, каждый отвечал за свою сумку, заполненную имуществом группы.

– Живее, – надевая рюкзак, торопил он.

Они не успели. Новый толчок встряхнул здание, и люди попадали на пол. Этого удара перекрытия не выдержали, и Всеволод рухнул вниз. Все вокруг было в пыли, грудь болела, Бур попытался встать, но понял, что это нереально – прямо на нем лежала металлическая балка под тонну весом, от участи быть раздавленным его спас обломок стены, на который и пришелся основной удар.

– Есть кто живой? – заорал он. Никто не отозвался. – Выбираться придется самому, – прокомментировал тишину Бур.

Избавиться от рюкзака оказалось делом непростым. Нашарив пластиковый крепеж, он распустил лямки и, извиваясь всем телом, вытолкнул импровизированную подушку, после чего выползти из-под балки было уже делом пяти секунд. Оглядевшись, Бур понял, что находится в бетонной коробке, высота потолка чуть больше двух метров, стены из навалившихся друг на друга обломков. Откуда-то тянуло свежим воздухом. Рюкзак тут же занял свое место за спиной. Фонаря не было, зато была лампа местного производства, накануне они нашли пять штук на разных этажах. Две использовали для освещения убежища, три убрали до лучших времен. Свет лампы, которая ничуть не пострадала, с трудом пробивался сквозь пыль. Внимательно осмотрев ловушку, Всеволод нашел еще одного пострадавшего, Николай был придавлен противоположенным концом балки, и помощь была ему уже не нужна. Угол швеллера разворотил грудь, сокрушив ребра и позвоночник. Всеволод нагнулся и провел ладонью по глазам, закрывая их. Минуту посидел рядом, прощаясь, после чего взялся за обследование завала. Самым перспективным был участок из разбитых блоков, в щели между ними проникал солнечный свет. На разбор ушло больше трех часов. Ободрав руки в кровь, Всеволод выбрался наружу через метровый лаз. Это была не улица – он стоял на уровне второго этажа, на пятиметровом пяточке, от туч не осталось и следа, как, впрочем, и от города. Все, что уцелело при первом слиянии, лежало в руинах. Устоял лишь один объект: на потрескавшемся монументе, взирая на разрушения, стоял Георгий Жуков.

Вся площадь была изрыта провалами и больше напоминала великий каньон в Аризоне. Всеволод огляделся. Спуститься на землю не представляло никакой сложности, но... было одно «но».

Где-то под завалом остались люди, с которыми он два дня находился под одной крышей. Только как их найти? Без сотни человек и строительной техники тут делать нечего, разобрать завал в одиночку было нереально. Кричать, вслушиваясь в каждый шорох? Но только на крики мог прийти кто-то еще, и не факт, что это будет встреча друзей. Мир-то – новый и незнакомый...

Глянув на солнце, он попытался определить, сколько времени провел под завалами. Солнце висело прямо над головой, значит, прошло больше шести часов. Всеволод вскараб-

кался на ближайший блок, с него – на другой и так далее, пока не достиг самого верха. Рюкзак давил на плечи, автомат, висевший стволом вниз на груди, сильно мешал. После получасового лазания по руинам он нашел Алину и Аркадия. Два тела обнаружились под плитой, криво рухнувшей на обломки, девчонке камнем проломило череп, скорее всего, она умерла быстро, а вот Аркадию не повезло. Куском плиты мужчине раздробило ноги, на его лице посмертной маской отражались страдание и обреченность. Видимо, умирал он долго, раздавленные ноги были перетянуты самодельными жгутами, одним из которых был его собственный ремень. Значит, кто-то пытался ему помочь и был с ним в его последние минуты. Всеволоду не пришлось закрывать мертвым глаза, тот, кто был с ними, сделал это за него. Но вот кто это мог быть? Ответ на свой вопрос Бур узнал через несколько минут – на плите над телом ему оставили послание, крупными буквами написанное маркером прямо на бетоне:

«Николай, Всеволод, если вы живы, простите, мы уходим, здесь какие-то люди с оружием. Они стреляли друг в друга, их много. Попробуем отыскать схрон Всеволода. Игорь, Александр Н. С., Карина».

Всеволод быстро огляделся, упомянутых в послании посторонних в поле зрения не было, ответ на вопрос, кто спасся, получен, и больше его здесь ничего не держало.

Спустившись вниз, Бур окинул взглядом новую реальность. Земля пошла глубокими трещинами, некоторые разломы достигали в ширину метров десять – пятнадцать, да и глубина их была не маленькой. Рухнуть туда – равносильно смерти. Придется обходить.

Вскоре обнаружили следы перестрелки, о которой писали его спутники. Три тела в неглубокой трещине. Нервно оглядевшись, Всеволод все-таки решил спуститься.

То, что перед ним военные, не вызывало никаких сомнений. Хоть с трупов и забрали оружие и экипировку, но по глупости оставили довольно неплохие армейские сапоги и форму, заляпанную кровью. Двое были убиты в бою, первому очередь разворотила живот, второй получил две пули в сердце, а вот третьего явно застрелили в затылок. Форма была темно-зеленой, но эмблема и погоны с ромбами были совершенно незнакомы. Всеволод внимательно рассмотрел нашивку на рукаве – белый крест в виде меча в черном поле. А под ним аббревиатура – I.S.F.P. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять что S.F. – это Special Forces, а вот что обозначает I и P? Будучи человеком военным, Всеволод знал о многих спецгруппах вероятного противника, но такая аббревиатура попала ему впервые. И варианта было два: либо эти ребята местные, либо – не местные, но и не с родной Земли.

Неподалеку раздалось несколько длинных очередей, хлопнула граната, за ней еще одна. Всеволод поднялся по склону провала и аккуратно высунул голову. Стреляли в развалинах, раскинувшихся метрах в трехстах с противоположенного края площади.

Все, что хотел, Всеволод выполнил, сидеть рядом с трупами не имело никакого смысла. Пройдя вдоль разлома метров пятьдесят, он выбрался наружу прямо среди руин пятиэтажки, закинутой слиянием со старушки Земли. От укрытия к укрытию Бур двигался прочь от площади. Встречи с вооруженным, хорошо экипированным и подготовленным противником он совсем не жаждал, поэтому предпочитал сохранить инкогнито, а не ввязываться в непонятные разборки.

Контакт состоялся неожиданно. Обогнув один из разрушенных домов, Всеволод нос к носу столкнулся с парнем в точно такой же форме, какая была на трупах. Тот выходил из подъезда и был ошарашен не меньше Всеволода. На мгновение все замерло, они смотрели друг другу прямо в глаза, взвешивая шансы. То, что стрельбы не избежать, бывший морпех понял по взгляду противника.

«Интересно, когда это я ему успел в суп плюнуть? Или на него моя форма так действует?» – спросил Всеволод сам себя.

– Разойдемся? – предложил незнакомец, причем сказал он это на чистом английском, без всякого акцента.

Всеволод понял, хотя и с трудом, он мог составить предложение со словарем, многое со времен школы просто забылось. Бур кивнул, соглашаясь с предложением, но ни на мгновение не верил в то, что они разойдутся миром. Такой испепеляющей ненависти он не видел даже в глазах афганских наемников. Продолжая держать противника на мушке, Всеволод сделал шаг назад. Все произошло одновременно: Всеволод метнулся вбок, уходя с линии огня, еще в полете нажав на спусковой крючок и выдав короткую очередь в три патрона. А его противник, дав длинную очередь от бедра, прыгнул обратно в подъезд.

Пуля рванула рукав камуфляжа, едва не зацепив самого Бура, и, срикошетив от разбитой машины, с визгом ушла в небо. Остальные просвистели в стороне. А вот пареньку в зеленой форме не повезло, все три пули попали в спину: первая расколола пластину бронежилета, две другие угодили уже в тело. Парень лежал лицом вниз на ступенях, подогнув под себя ноги. Всеволод быстро поднялся и потер ушибленное о камень плечо. Нужно быстро осмотреть труп и сваливать, пока сюда не нагрянули дружки «зеленого».

Короткоствольный автомат, сделанный по системе «булл-пап», был совершенно незнаком, хотя чем-то напоминал виденный в энциклопедии опытный автомат ТБК. Что касается формы... те же погоны с ромбами, тот же белый меч-крест на рукаве. Всеволод быстро стащил с трупа разгрузку и кое-как запихал ее в рюкзак (к счастью, там высвободилось место после того, как доели рационы), закинул на плечо чужой автомат. Приходилось действовать по принципу: «не оставляй трофей врагу». В нагрудном кармане убитого нашлась маленькая пластиковая карточка с фотографией убитого. Кое-как прочитав текст на английском, Всеволод выяснил, что есть такое – I.S.F.P. Полностью название читалось как Inquisition Special Forces Paradise. Не обязательно быть знатоком английского, чтобы перевести эти четыре слова.

Специальные Войска Инквизиции Рая.

Весь осмотр занял около двух минут. Помимо оружия, боеприпасов и документов, Всеволод стал обладателем небольшого зеленого цилиндра непонятного назначения, какой-то хрени, которая оказалась зажигалкой, и шприц-тюбика с мутноватой жидкостью. Все это он быстро рассовал по карманам, в надежде разобраться в деталях после. Выглянув из подъезда и не обнаружив никакого движения, Всеволод быстро побежал прочь, стараясь отойти от места перестрелки как можно дальше. То, что парня будут искать, не вызывало сомнений. В этом мире становилось все более неуютно. Стычка оставила неприятное впечатление и вырванный клочок из рукава. А парень был толковым, только не повезло ему. Если здесь таких много, то жизнь Бура сильно осложнится. Да и сколько продлится эта жизнь? Всеволод насчитал пока два слияния, и последствия их были весьма не слабыми. Что же будет после десятка таких встрясок? То, что слияние, произошедшее утром, не последнее, и ему понятно. Полуразрушенные строения радовали разнообразием, родные пяти- и девятиэтажки мешались с домами этого мира, но прибавилось множество руин, которые попали сюда во время утреннего слияния. В основном это были трехэтажные дома, сделанные из красного старого, крошащегося от времени кирпича, и больше всего они напоминали бараки. Всеволоду давно было ясно, что второе слияние притянуло к этому миру еще один, следующий в цепочке. Оставалось молиться, чтобы все ограничилось двумя.

Получалось, что количество группировок увеличивается: есть ребята в темно-зеленой форме, представляющие инквизицию, и явно есть их противники (Всеволод сомневался, что Игорь стал бы казнить пленника выстрелом в затылок, для этого нужно чувство ненависти, впитанное с молоком матери, или просто надо быть полным отморозком). Вряд ли кто-то из землян мог хладнокровно застрелить пленника, не тот менталитет. Хотя «чехи», наверное, так бы и сделали, но – откуда им здесь взяться? Всеволод разговаривал со всеми своими спутниками, все они были из Владимира, а «духов», бегающих по улицам с автоматами, в этом городе отродясь не водилось. Значит, тот, кто кончил инквизиторов, воюет с ними очень давно.

Медленно, но верно Всеволод пробирался по городу в сторону окраин, от дома к дому, от подъезда к подъезду, избегая широких улиц и открытых пространств. Город был не таким уж и маленьким, есть где развернуться мародерам. Сильно затрудняли движение возникшие после бури завалы из деревьев и стихийно образовавшиеся гигантские лужи, где под водой запросто мог скрываться открытый люк или глубокая яма. Приходилось обходить такие препятствия, выбираясь на открытое пространство.

Несколько раз Всеволод видел в развалинах людей. Наблюдая за ними в бинокль, он сделал вывод, что это рабы. Пятеро оборванцев, бритые наголо, в гражданской одежде, которую бы постеснялись надеть даже бомжи, лазали по руинам, что-то собирая. Внизу, рядом с их добычей, стояли три инквизитора, раздавая ближайшим беднякам пинки и затрешины. Бинокль, совмещенный с дальномером, показывал, что до «собираателей» и их надсмотрщиков метров четыреста. Стояли «зеленые» удачно, двумя прицельными очередями можно было бы срезать, если постараться, а то и ближе подойти. Хотя ближе двухсот метров все равно не подобраться. Всеволод некоторое время держал их на прицеле, борясь с желанием нажать на спусковой крючок. Но в руках было незнакомое оружие. Одно дело – свалить «зеленого» почти в упор, и совсем другое – стрелять из только что приобретенного ствола на четыреста метров.

Тяжело вздохнув, Бур незаметно перебрался на противоположенную сторону улицы. Сейчас нужно дойти до схрона и, если там не окажется его спутников, думать, что делать дальше. Сидеть в городе, где начались боевые действия, было глупо, так можно запросто оказаться в плену или стать трупом.

На этот раз Всеволоду удалось первым заметить противника. Троица «зеленых» вышла из-за угла. Шли расслабленно, автоматы висели на груди, словно это была их законная территория и никто за ними не охотился. Это настораживало. Бур залег за чудом уцелевшими густыми кустами и достал бинокль. Обшарив оптикой руины, нашел два секрета, устроенных в развалинах домов. Сделано было толково, и службу часовые тащили исправно. Если бы он прошел еще метров тридцать, его бы точно засекли, и, если бы у них хватило терпения подождать, пока он не выйдет на небольшой открытый пяточок, его судьба была бы решена.

– Зачем ставить секреты в мертвом городе? – спросил сам себя Всеволод. И сам ответил: – Затем, что у них где-то здесь временный лагерь.

Теперь нужно решить – обойти зону обитания «зеленых» по широкой дуге или же посмотреть на жителей «рая» поближе. Любопытство победило осторожность. Всеволод, где пригнувшись, где ползком, обошел секрет и затаился в развалинах в десяти метрах от часового. Он не ошибся. За руинами на небольшой площади были люди, много людей, несколько сотен. Одного взгляда на этот лагерь хватило, чтобы понять, как должен выглядеть «рай» в понимании «зеленых». Полсотни автоматчиков держали под прицелом больше двух сотен лысых рабов. Что же, неплохой отличительный признак, волосы быстро не растут, а головные уборы рабам явно не положены.

Часть заключенных строили из подручных материалов забор, другие пытались соорудить что-то типа сторожевых вышек. Похоже, инквизиторы решили окопаться в этом городе, пока не выгребут из руин все, что может пригодиться. Хоть они и были, по мнению Всеволода, подонками, но подонками они были хорошо организованными. Разглядывая поселение в бинокль, Бур наткнулся на двоих мужчин с длинными волосами, собранными в хвост. На каждом из них была белая мантия, на груди большой крест. Понаблюдав за этой парочкой, Всеволод понял, кому здесь все подчиняется. Любой приказ этих «святош» выполнялся со всевозможной тщательностью и предельной скоростью. Рядом с ними стояло пятеро автоматчиков в черной форме и с огромными белыми крестами на спине и на груди. С точки зрения маскировки – бред, с точки зрения определения статуса – идеальное решение. Отдельно от всех на земле сидела группа людей, растерянно взирающих на все происходящее. У них были на месте волосы, у всех отобрали одежду, оставив только нижнее белье, и смотрели за ними лучше, чем

за лысыми. Охраняли эту группу полтора десятка автоматчиков. Всеволод стал вглядываться в лица пленников и довольно быстро разобрался, кто они такие. Прямо посреди группы, сверкая ярко-рыжими волосами, сидел Игорь. К нему жалась Карина в довольно красивом кружевном лифчике, рядом сидел Александр Николаевич, у которого рука чуть ниже плеча была замотана пропитавшимися кровью тряпками. Да и у Игоря на теле было множество ссадин и синяков. Видимо, при захвате ребят обитатели «рая» не особо церемонились.

Теперь нужно было решать, что делать. Если бы не Игорь, Карина и профессор, Всеволод бы просто ушел. Ввязываться в бой с превосходящими силами противника, который прекрасно вооружен и находится на своей территории, – это полное безумство. Но... там, в плену, люди, которых он знает, судьба которых на какое-то время была тесно связана с его судьбой. Бросить их он не мог. Бур понимал – если он уйдет, то никогда не сможет себе этого простить.

Это чувство ему было хорошо знакомо, оно до сих пор жило в нем. Он видел, как «духи» захватили в плен двух бойцов его роты, но ничего не мог сделать. Он видел, как их резали на куски, а то, что осталось, приколотили к кресту. И сколько бы он себе ни твердил, что тогда ценой двух жизней спас множество других, черное пятно на душе оставалось. И теперь Всеволод знал: лучше сдохнуть, пытаясь освободить своих спутников, чем жить, зная, что просто бросил их на произвол судьбы. Теперь оставался самый важный вопрос: как выполнить задачу и не умереть?

Бур почти час наблюдал за лагерем в бинокль. Часового рядом с ним сменили, благодаря смене караулов удалось вычислить все секреты, их оказалось восемь. Два часа прошло с того времени, как бывший старлей занял эту позицию, а в голову ничего путного так и не шло. Огромным недостатком было незнание собственного оружия. Всеволод даже приблизительно не знал ТТХ АД-03. Он не представлял, на что способен автомат: кучность на дальних дистанциях, предельная дальность, схема автоматики, надежность, а эти факторы нужно было обязательно учитывать в бою. Полезная информация, полученная им за это время, сводилась к одному: секреты меняются раз в два часа. У «зеленых» не было никакой бодрянки, переклички, проверок, а значит, если убрать часового, то в течение двух часов его никто не хватится. А часового по-любому придется убрать, это Бур знал наверняка.

Лагерь обустроивался быстро. Каким-то образом «зеленые» и их рабы, которые, скорее всего, в том мире были обычными жителями, оказались в одном месте и хорошо понимали друг друга. С соотечественниками Бура картина была другая.

К вечеру лагерь наполнился людьми. Вернулись поисковые и караульные команды, именно в этот момент Всеволод полностью осознал масштаб трагедии. «Зеленых» было около трехсот человек, их пленников – в два раза больше. Но... это было стадо, послушное, безголо-сое, заправленное, безвольное. В лагерь стащили кучу полезных вещей, своим ходом пригнали десяток чудом уцелевших автомобилей, несли канистры с топливом, коробки с едой, нашелся даже один БТР. Точно такой же, как тот, что недавно был подчищен Всеволодом.

Кто бы ни руководил всем этим, это был умный человек. Поисковые команды были нагружены как мулы. Тащили все: доски, мотки колючей проволоки, посуду, инструмент, мебель. Ради святош в белом «зеленом» пришлось расширить периметр, чтобы захватить небольшой дом, разрушенный всего наполовину. Лысые получили по миске какого-то дерьма, пленников кормить никто не стал. И тут наступила ночь. Потемнело стремительно, не прошло и десяти минут, как Всеволод с трудом смог видеть метров на десять, и даже местная луна, не такая яркая, как на Земле, помогала не шибко. Бур вспомнил свою первую ночь в этом мире. Что-то явно изменилось, ведь тогда было довольно светло, он даже книгу читал при лунном свете, а теперь? Видимо, Александр Николаевич был прав, мир меняется, впитывая особенности других миров. Что ж, это на руку. Внутреннее кольцо охраны зажгло костры, и если местных охраняли не очень хорошо, видимо надеясь на рабское сознание, то место содержания пленников было освещено великолепно.

Рядом кто-то крикнул фразу на английском, из которой Всеволод понял всего несколько слов: «Том» и «здесь». Похоже, смена караула. Он оказался прав, часовой откликнулся почти сразу.

«Эту смену пропускаю. Следующую режу», – решил для себя Бур и продолжил изучать сложившуюся диспозицию. Как ни странно, но внутреннюю охрану на ночь ослабили, хотя логичней было бы ее усилить. Но после молитвы, которую провели «белые», что-то громко проповедуя в течение получаса и истерично трясясь на импровизированной сцене, местные стали совсем вялыми. Они почти тут же валились на землю и засыпали. «Да, с этими ребятами нам точно не по пути», – досмотрев службу, подумал Всеволод. Религиозных фанатиков он ненавидел до зубовного скрежета, да и религию вообще не больно жаловал, в Бога верил, но не так, как попы учат. Два костра, освещающие кучку пленников, четверо «зеленых», сидящих возле них. Одного Всеволод понять не мог: почему так ослабили охрану, неужели знают, что ночью никто не нападет, и рабское стадо будет послушно храпеть? С одной стороны, ослабление охраны – плюс, огромный такой, жирный плюс, с другой – что пять человек у костра, что два, без разницы, у Всеволода нет бесшумного оружия.

Загон для пленников «зеленые» закончили в конце дня, где-то нарубили кустов с пятисантиметровыми колючками и оградил пятачок в десять метров, отобрали одежду, развели еще два костра по углам, чтобы обозреть весь периметр, и успокоились.

Всеволод усмехнулся про себя. В отборе одежды несколько смыслов, например – человек не так защищен и через густые колючие заросли лезть не подумает. А второй эффект интересней – элемент обезоруживания, психологически голый человек унижен и просто не способен на сопротивление. Как говорил герой Сергея Гармаша в фильме «Ворошиловский стрелок»: «врываемся, всех в наручники, человек в наручниках уже не человек». Здесь был тот же принцип.

Всеволод достал из разгрузки нож, еще один был у «зеленого», которого он грохнул днем. В детстве любимой забавой Бура была игра в ножички, потом отец научил метать, а в армии он это умение приумножил многократно. Мог метать все, начиная от топора и саперной лопатки и заканчивая предметами, которые метаться в принципе не должны: мастерки, гвозди, пилки для ногтей. А здесь два великолепных армейских ножа, прекрасно сбалансированных, разве что – из разных миров.

Смена караула прошла как по часам. Правда, из-за темноты несколько громче, чем днем и вечером. Дав разводящему убраться подальше, Бур пополз к секрету. Часовой бдел на старом матрасе, глядя в амбразуру, выдолбленную в небольшой стеночке и великолепно замаскированную всяким мусором. Позиция у него была классная: дом развалился, образовав вал, вот на его верхушке за небольшой стеночкой и лежал дозорный. Назад он даже не оборачивался – там же свои. Это его и сгубило. Скорее всего, внешняя сигналка перед позицией была, а вот с тыла не догадались поставить. Всеволод упал на него сверху, зажав рот, оттянул назад голову и просто перерезал горло. Заливая матрас кровью и дернув несколько раз ногами, часовой затих. Операция по устранению заняла меньше тридцати секунд. Всеволод осмотрел его оружие. В отличие от убитого им ранее, у этого была винтовка, чем-то по виду напоминающая СВУ-АС с необычайно толстым стволом, и похоже, в мире «зеленых» все оружие делали по системе «булл-пап». Толстый ствол с виду напоминал глушитель, как на «Вале» и «Винторезе». Если это так, то он снимет охрану раньше, чем она успеет вообще что-либо понять. Но если подобная снайперка у всех часовых, то он и сам может попасть на прицел. Бур взял винтовку и навел на лагерь, прицел был ночной и очень даже хороший. Один недостаток – Всеволод видел и его, и саму винтовку впервые в жизни. Если он ошибется, то никого не спасет и сам сдохнет. Сам Бур прекрасно понимал: весь его план – это не план, а полное дерьмо. Поэтому нужно было рисковать. И – торопиться.

Он навел винтовку на позицию часового с правого фланга. Самый ближний к нему дозорный, который мешал больше всего при отходе. Его нужно было убирать по-любому. Второй пост располагался метрах в пятидесяти, в уцелевшей угловой квартире соседнего дома, и сделан был по той же схеме: пробитые амбразуры в стене прямо в углу, стрелок мог работать сразу на девяносто градусов, обстреливая и сам лагерь, а не только подходы к нему. С тыла его прикрывал пост, расположенный по другую сторону дома. И что самое плохое – Всеволод не видел часового с этой позиции. Нужно было вернуться в груды камней, где он пролежал весь день.

Весь его план все меньше радовал и все больше огорчал – это реально больше смахивало на самоубийство. Но механизм был уже запущен. Забрав шесть магазинов из разгрузки покойника, Всеволод, обдирая локти об острые камни, вернулся на прежнюю позицию, выставив винтовку, прицел к прицелу. Теперь голова часового была как на ладони. В любом случае, если он ошибся, будет время свалить прочь. Правда, второй попытки точно не будет, и это – приговор для Игоря и остальных...

Задержав дыхание и поймав голову часового в прицел, Всеволод потянул спусковой крючок. Спуск оказался очень плавным, винтовка легонько толкнула его в плечо. Бывший морпех не ошибся, она была с глушителем. Звук как от пневматики, даже, наверное, чуть тише, в ночную оптику он видел, как из затылка «зеленого» брызнула кровь, голова исчезла из зоны видимости, скрытая прикладом винтовки. Всеволод оказался прав, в секретах были снайперы. Теперь – часть вторая: те же пятьдесят метров, двое часовых у костра. Помолвившись, Бур перевел переводчик огня в положение «А» – «автоматический». Первый дозорный умер, даже не вскрикнув, забрызгав своего напарника мозгами и кровью. Второй понял, что произошло, но – слишком поздно. Всеволод вкатил в него короткую очередь. Когда тот ещё только открывал рот для крика, три пули уже попали ему в грудь, еще две – в голову и шею.

Бур оглядел лагерь в прицел, никакой суеты, ничего, дозорные, сидящие с другой стороны, даже не обратили внимания, что их напарники больше не сидят, а валяются возле костра. Видимо, богиня удачи не отвернулась от Всеволода и продолжала покровительствовать. Теперь начиналась самая сложная часть операции: как вытащить двадцать человек, чтобы они не подняли шума? Особенно если учитывать, что эти люди ничего не знают о готовящемся для них побеге?

Видимо, судьба была на их стороне. Крайние к костру кусты зашевелились, изгородь кто-то разбирал. Всеволод навел прицел на это место. Точно, кто-то, не жалея рук, пробивал лаз в «заборе». Через две минуты в поредевших колючках показалась чья-то голова. Посмотрев на неподвижных дозорных, мужчина выбрался наружу и, нагнувшись к лазу, что-то тихо прошептал. Следом за ним показалась женщина, которая почти на четвереньках, закусив до крови губу и обдирая колени, начала передвигаться к завалу, фактически прямо напротив Всеволода. Следом за ней появилась еще одна, и еще. Что же, можно было уважать этих людей, они предпочли рискнуть и погибнуть при прорыве, а не дожидаться своей участи. Правда, если бы Всеволод не убрал караульных у костра, они уже были бы мертвы. Один за другим пленники покинули загон. Последним выполз Игорь, он одним рывком миновал костер и скрылся во тьме, хотя Всеволод его великолепно видел в ночную оптику. Он быстро догнал групп у, которая сгрудилась прямо напротив Бура, и, махнув рукой, начал карабкаться вверх. Это была неслыханная удача. Когда до Всеволода сержанту осталось карабкаться меньше метра, он тихо сказал в темноту:

– Игорь, это Сева. Давай тихо сюда.

Человек, ползущий вверх, замер. Несколько секунд стояла полная тишина, которая нарушалась тихим дыханием Игоря. Наконец он решился, сделав своим знак «стоп», тихо перевалялся через бруствер.

– Давно ты здесь? – зашептал он, опознав Бура.

– Часов с трех дня, сам собирался к вам, часовых свалил, а тут вы на прорыв ломанулись. И так удачно. А теперь бери автомат и давай линять отсюда.

Всеволод протянул ему трофейный автомат «зеленого». Он так и не выяснил, как он назывался. Игорь быстро осмотрел подарок, после чего благодарно кивнул и скрылся за бруствером, там послышался шепот, он, видимо, пытался объяснить товарищам, что происходит. Вскоре он вернулся к Всеволоду:

– Куда дальше?

– Видишь угол дома, перед ним много обломков? Я вычистил этот край, два секрета обезвредил, если пойдете быстро и тихо, то успеете смыться, вам нужно добежать вон до тех руин. Сначала до того грузовика, на который дерево рухнуло, следом небольшой разлом в асфальте. Но учти, спрятаться там негде. Потом рывок – метров в пятьдесят до края завала. Всего получается метров триста. Там ждите меня, я прикрою.

Игорь кивнул и, сделав знак своим, первым пошел по указанному маршруту. Мимо Всеволода быстро проходили люди, один за другим, но каждый из них бросил на него быстрый взгляд и кивнул в знак благодарности. И тут все пошло прахом, мужик, который разбирал изгородь и поначалу шел первым, а теперь замыкал, развернулся и быстро рванул к лежащим у костра дозорным. Всеволод на мгновение замер от неожиданности: одно дело, что дозорные видят своих товарищей, валяющихся у костра, другое – что рядом с ними появится голый мужик и начнет обшаривать трупы.

– Идиот, – прошипел он сквозь зубы и навел прицел на спину мужика, который почти миновал ограду. Винтовка дважды хлопнула. Мужик рухнул навзничь в шаге от края изгороди. – Какой же ты идиот, – прошептал Бур.

Минуту он еще контролировал лагерь, после чего, сменив полупустой магазин на полный, пошел вслед за беглецами, изредка оглядывая свои тылы. Вскоре Всеволод добрался до угла бывшего дома, который теперь стал просто очередным валом из блоков, оконных рам, мебели.

– Теперь я во главе. Идем плотной группой, не растягиваемся и не скулим, через час они поднимут тревогу, когда обнаружат мертвых караульных.

Все кивнули, соглашаясь, понимали – спасение в скорости. Тут одна немолодая женщина лет сорока активно завертела головой, ища кого-то.

– А где Ваня? – почти в полный голос воскликнула она. – Он же последним шел.

На нее шикнули, чтобы говорила тише, но вопрос повис в воздухе, все смотрели на Всеволода.

– Он не придет, – нехотя сказал Бур, в подробности гибели идиота вдаваться не хотелось.

– Я без него никуда не пойду! – заупрямилась женщина. – Мы будем ждать его.

– Он не придет, – еще раз твердо повторил Всеволод. – Нам нужно торопиться.

– Как не придет? – почти в истерике закричала женщина, на нее навалились, зажали рот ладонью.

– Он погиб, – нехотя сказал Бур, – а теперь идем, если не хотим кончить, как он.

Все тягостно молчали, женщина уставилась на него полными ненависти глазами. Если бы взгляд мог убивать, то от Всеволода осталась бы кучка пепла и ботинки.

– Игорь, поручи эту дуру кому-нибудь, пусть тащат, и еще мне нужно, чтобы она заткнулась. Нам все еще везет, раз они не смогли ее услышать.

Но никто не двинулся с места, все вопросительно смотрели на него.

– Я застрелил его, – сказал Всеволод. – Этот идиот побежал к костру за оружием. Если бы его увидели, мы были бы уже мертвы. Он бы погубил нас всех, и мне пришлось...

Повисла тяжелая гнетущая тишина, все обдумывали слова, которые только что услышали.

– Короче, – тихо сказал Бур, – если кто-то идет со мной, то пусть идет, если нет – разбегаемся в разные стороны – и кому как повезет. Время дорого, мы не можем тратить его здесь, у нас осталось пятьдесят минут, а потом начнется шухер.

Всеволод обошел людей и направился в сторону окраины, до которой было не меньше трех километров. Он специально делал большой крюк, огибая лагерь инквизиторов по дуге. Была надежда, что такого хода «зеленые» предположить не смогут и решат, что пленники пошли в сторону центра города.

Остальные беглецы пошли следом за ним, внимательно глядя под ноги. Двое мужчин, оба возрастом за сорок, оборвав от какого-то кресла кусок обивки соорудили кляп и вставили его в рот бьющейся в истерике женщины, после чего просто поволокли ее под руки. Повинуясь им, она безвольно передвигала ногами, беззвучно заливаясь слезами. Прямо за Всеволодом шел Александр Николаевич, рядом с ним Карина, Игорь замыкал группу, прикрывая тыл.

Всеволод шел молча, ориентируясь по ночной оптике, стараясь выбирать места, где под ногами было поменьше мусора, но все равно изредка он слышал у себя за спиной сдавленные крики. В том, что суд за убийство кретина, который едва их всех не погубил, еще впереди, он не сомневался. Правда, и иллюзий не строил, это они идут с ним, а не он с ними, и в любой момент он может послать эту инвалидную команду в задницу. В отличие от них, у него есть все необходимое, даже транспорт. Пусть скажут спасибо, а то часть из них была бы мертва, а часть вернулась в загон, ожидать неизвестности.

Всеволод все чаще поглядывал на часы, разводящий вот-вот должен был обнаружить трупы часовых и побег пленников. Бур прикинул, что меньше чем за час удалось уйти от лагеря километра на три.

– Привал, – скомандовал он возле небольшого жилого дома местной постройки, в котором уцелел первый этаж. – Попробуйте осмотреть квартиры, может, найдете вещи и обувь. Тогда продвижение ускорится.

Бывшие пленники нехотя подчинились ему. Скинув рюкзак, Всеволод взобрался по частично обвалившейся стене на уровень четвертого этажа. Оттуда, с небольшой площадки, просматривался участок пути метров в пятьсот. Внизу слышались переговоры людей, многие послушались и полезли в руины искать одежду, несколько женщин постарше уселись на крупные блоки, из которых здесь преимущественно строились дома, и блаженно вытянули уставшие ноги. Рядом с ними на землю опустилась равнодушная ко всему вдова, взгляд у женщины был совершенно пустой, она исправно выполняла команды, но это были чисто механические действия. Всеволод перестал смотреть вниз и принялся изучать в прицел открытый участок. Никакой погони или следов тревоги, автоматную очередь ночью в полной тишине можно услышать за пять километров. Инквизиторы все-таки были толковыми вояками и палить просто так в воздух со злобы не стали. Если и пошли поисковые команды по следу, то очень тихо. Всеволод глянул на часы, прошло уже сорок минут, люди внизу закончили осмотр, и кое-кому даже улыбнулась удача. Всеволод еще раз обшарил оптикой местность, но противника так и не обнаружил. Если бы они напали на их след, то уже были бы здесь. Видимо, маневр с обходом лагеря сделал свое дело, и гончие команды пошли в противоположном направлении.

Спустившись вниз, он быстро осмотрел собравшихся возле камней людей. Теперь было время приглядеться к ним получше. Шестеро мужчин в возрасте от двадцати пяти до шестидесяти. Но в годах всего двое – Александр Николаевич и крепкий мужик лет пятидесяти. Пятнадцать женщин. Возраст опять самый разный, в основном от двадцати пяти до сорока. Многие действительно нашли себе в развалинах какие-то тряпки. Александр Николаевич красовался в костюме-тройке и лакированных ботинках, на Игоре были джинсы с дырами на коленях и довольно сносные кроссовки, сверху – старая протертая майка, на которой был изображен ухмыляющийся скелет с автоматом. Он уже успел заглянуть в рюкзак Всеволода и избавить его от трофейной разгрузки, за что Бур мог его только поблагодарить, поскольку и так пер слиш-

ком много. Карина вообще повеселела, женской одежды почему-то было мало, но девушка нашла обтягивающее платье с юбкой до колена и кеды своего размера. Выглядела она довольно забавно, платье ей шло, подчеркивая стройную фигуру и не маленькую грудь, вот только совершенно не подходило к ситуации. Остальные красовались кто в чем: джинсы, подвязанные поясом от халата, одежда для фитнеса, одна дама была в спортивном костюме и в шлепках, при этом костюм был на три размера больше. Только вдова сидела на земле, равнодушно глядя в одну точку. Кое-как общими усилиями на нее натянули шорты и ярко-оранжевый топ, который едва налез на ее огромный бюст, ступни пришлось обмотать простыней, соорудив тряпичную обувь, поскольку под ноги она себе не смотрела и сбила их в кровь. Всеволод вообще сомневался, что она сможет идти. И бросить нельзя – никто не поймет. А тащить силой значило ограничить мобильность группы. С каждой минутой спасение этой «инвалидной команды» выглядело делом все менее перспективным. Слишком большая и шумная группа быстрее наведет врагов на след, а если учитывать, что в группе всего два человека, способных оказать сопротивление... девяносто девять процентов на то, что они обречены. Нужно немедленно избавиться от этого стада.

– О чем задумался? – присев рядом, поинтересовался Игорь.

– А ты как думаешь? – окинув взглядом сидящих на земле людей, поинтересовался Бур.

– Я думаю, ты размышляешь, как от них избавиться.

– Ну вот видишь, какой умный. А чего тогда спрашивал?

– Уточнял. И наши мысли совпадают. Эту толпу нужно сбавить как можно быстрее, пока нас не прихлопнули. Александр, Карина?

– Их возьмем, просто не имеем права бросить. За остальных я не подрывался отвечать. Мне еще предстоит ответка за этого дурачка, которого пришлось грохнуть. Но я все равно был прав.

– Знаю, – согласился сержант.

– Ладно, похоже, они отдохнули, нужно топать дальше. Подъем, – крикнул Всеволод, вставая. – Порядок движения прежний, Игорь прикрывает тыл, я впереди, остальные плотной группой идут следом.

Люди нехотя вставали, сбиваясь в кучу. Александр Николаевич и Карина старались держаться поближе к Всеволоду. Видимо, астрофизик прекрасно понимал, что, если их догонят или они нарвутся на кого-то, кто настроен враждебно, Бур бросит обузу, не особо печалься. Всеволод сколько угодно мог говорить сам себе, что судьба остальных освобожденных его не волнует, но понимал: как только он уйдет, эти люди будут обречены. Группа состоит в основном из женщин, из четверых оставшихся мужчин только двое выглядят бойцами (профессора и Игоря он не считал), двое других – явно гражданские, невысокого роста, шуплые, подавлены, смотрят устало. Хотя... сколько раз в жизни бывало наоборот? Крепкий и здоровый мужик гнется, словно чахлая тонкая березка под ветром, а тощий и хилый стоит, не покачнувшись, словно дуб во время урагана. Таких примеров Всеволод знал множество. Кто-то тронул его за плечо, обернувшись, он увидел невысокого тощего мужика лет тридцати.

– Слышь, солдат, – начал тот, – ты стволами обвешан, как елка игрушками, может, поделишься?

От такого прямого напора Всеволод поначалу растерялся.

– Одолжи автомат или пистолет-пулемет, лучше три бойца, чем два, – продолжил мужик. – Не суди по внешности, я срочку не на Арбате тянул, да и в Осетии повоевал.

Бур посмотрел на столпившихся людей, все внимательно прислушивались к их разговору. С одной стороны, мужик прав, лучше три, чем два. С другой... если не удастся добраться до схрона, который может быть завален так, что без бульдозера не откопать, можно потерять ствол, а лишних у него нет. Но есть и третья сторона: если с этими людьми придется расставаться, он просто обязан дать им хоть какое-то оружие.

– Держи, – решил наконец Всеволод и, победив жабу, протянул мужику пистолет-пулемет с двумя магазинами на двадцать патронов каждый.

Тот торопливо выхватил оружие, видимо боясь, что Бур передумает. Магазины запихнул в карманы старых джинсов, оглядел оружие, довольно сноровисто откинул приклад, вскинул к плечу, приноравливаясь, оттянул наполовину затвор, проверив в стволе ли патрон, после чего щелкнул предохранителем, приведя в боевое состояние, благодарно кивнул.

– Спасибо, разживусь своим, верну.

– Оставь себе, у меня есть запас, – окончательно задушив свою жабу, ответил Бур. – Все, давай к Игорю в конец, прикроете тыл.

– Прикрою, – согласился он и пошел прочь.

– Вперед, – скомандовал Всеволод.

К окраине разрушенного города вышли с рассветом. Обошлось без происшествий, правда, Игорь засек вдалеке группу человек в пять, но те свернули в другую сторону, кто это был, разглядеть он не смог. Может, инквизиторы, может, их противники. Или просто бедолаги, закинутые сюда и мечущиеся в поисках спокойного места.

Окраине по какой-то причине досталось меньше всего. Вообще, чем ближе к краю, тем разрушений стало меньше, зато пустырь был просто завален деревянными домами из частного сектора, их буквально разметало, переломало, превратив всю территорию в огромную свалку.

Всеволод вывел группу в километре от дома, в подвале которого спрятал свою мародерку. Бур скомандовал: «Привал!» Окинув взглядом уставших, измученных людей, он понял, что их силы на пределе. Пересчитав народ, Всеволод заметил, что кого-то не хватает, пересчитал повторно, понял, что прав: нигде не было видно ярко-оранжевого топа, который натянули на вдову Ивана.

– Где женщина? – подойдя к Игорю, сурово спросил он.

– Какая? – не понял тот.

– Вдова.

Игорь внимательно посмотрел на людей, пересчитывая по головам.

– Понятия не имею, – наконец признался он.

– Вы следили за тылом, как она могла уйти?

– Вот здесь никаких проблем, – влез в разговор мужичок, выпросивший у Бура оружие. – Когда мы заметили людей, идущих следом, спрятались у руин дома, она могла спрятаться за камнем или в подъезде, а потом просто проигнорировала команду продолжить движение либо намеренно, либо по причине апатии. Ей, вообще, все надо было по пять раз повторять, чтобы дошло.

Они стояли в стороне от остальных, и Всеволод заметил направленную к ним делегацию, видимо, остальные тоже хватились вдовы.

– У нас человек пропал, – начал пожилой мужик с большим пивным брюшком, которое сейчас наполовину прикрывала молодежная майка, явно на пару размеров меньше.

– И? – спросил Всеволод.

– Нужно искать, женщина не в себе.

Бур отрицательно покачал головой:

– У нас нет ни сил, ни средств на поиски, за спиной враждебный город. Так что разговор закончен, теперь она сама по себе.

– Так нельзя, – возмутился пузан.

– Можно, – отрезал Всеволод. – Вы должны были следить за ней, прохлопали ушами, сами виноваты, я за вашим стадом уследить не могу.

Мужик побагровел.

– Вы не имеете права, – возмутился он. – Это вообще вы виноваты, что она была в таком состоянии, вы ее мужа убили. Правда удобно? Потерялась, и отвечать не надо.

Всеволод замер, вот он момент истины, он знал, что рано или поздно ему бросят в лицо эти обвинения.

– Этот идиот сам виноват в том, что случилось, – стараясь говорить спокойно и умирняя гнев, рвущийся наружу, ответил Всеволод. – Если бы он не ломанулся к костру, ничего бы не произошло. Я сделал то, что считал нужным, причем сделал это для всех, и, если бы это повторилось, я, ни мгновения не сомневаясь, поступил бы точно так же. А теперь пошел вон. Если хотите ее искать, валяйте, у меня своя дорога, у вас своя.

Мужик опешил от подобного натиска, он, видимо, ожидал, что его противник будет мямлить и оправдываться под грузом обвинений, но оппонент стоял спокойно, смотря на всех с вызовом.

– Но... – начал было мужик.

– Никаких «но», – отрезал Бур. – Я здесь отвечаю за несколько человек, они раньше были со мной, со мной и остались. До остальных мне дела нет. Если бы была возможность спасти только их, я бы так и сделал. Бросил бы вас там, не раздумывая.

Все вокруг замерли. И только Игорь и стоящий рядом мужик согласно переглянулись, они понимали, о чем говорит Всеволод. Иногда нужно пожертвовать частью, чтобы спасти нескольких, те, кто прошел войну, знают эту аксиому.

– Но... – снова начал мужик.

– Никаких «но», – повторил Всеволод. – Если вам она нужна, вперед, идите и ищите. Скоро мы с вами расстанемся, я заберу своих людей и уйду. Вы теперь свободны и можете валить куда хотите. Вон дом, который почти не пострадал, найдите лом или еще что, вскрывайте квартиры, ищите вещи, оружие. Учитесь жить своим умом или сдохните. Я, к сожалению, вам свою голову одолжить не могу.

– Меня в команду возьмешь? – раздался за спиной голос напарника Игоря. – Обузой не буду.

– Знаю, – сказал ему Бур, отвернувшись от пузана и остальных, показывая, что разговор закончен. – Я за тобой наблюдал, ты вроде толковый.

– Так возьмешь?

– А эти? – Всеволод мотнул головой в сторону гудящих возмущенных людей.

– Они обречены, – понизив голос, ответил мужик. – Я с ними подыхать не согласный.

Всеволод кивнул, мужичок ему нравился.

– Как тебя зовут?

– Игорем, но, поскольку у нас уже два Игоря, зови по позывному – Серго.

– Откуда такой? – удивился Бур.

– Я родился на Украине, в городе, который раньше носил имя Григория Константиновича Орджоникидзе, вот и прозвали меня в учебке – Серго.

– Ну что ж, – принял решение Бур, – добро пожаловать в команду, Серго.

– Спасибо, – вполне искренне поблагодарил Игорь-второй. – Но со мной будет еще один человек.

Всеволод напрягся:

– Об этом ты не говорил.

– А теперь сказал, – просто ответил Серго. – Я ее не брошу.

Бур бросил взгляд на Игоря. Сержант сидел на поребрике, с интересом наблюдая за происходящим.

– Что думаешь?

– Нас шестеро, – подвел баланс сержант, – на каждого активного штыка приходится один пассажир. Это терпимо.

– Хорошо, – наконец решил Всеволод. – Она тоже с нами. Но учтите, если от вас будут проблемы... я предпочту уменьшить отряд. Ты отвечаешь за нее?

Серго кивнул, соглашаясь.

– Спасибо, поговорю с ней, – и, перехватив поудобней пистолет-пулемет, пошел в сторону продолжавших ругаться людей.

– А мы по-прежнему в команде? – раздался за спиной голос Карины.

Всеволод обернулся, рядом с Кариной стоял астрофизик.

– Конечно, – подтвердил он. – Но никаких возражений: я приказываю – вы выполняете.

Карина и Александр Николаевич переглянулись и дружно сказали:

– Мы согласны.

– Вот и хорошо. Нужно найти вам одежду получше. Думаю, на профессора у меня найдется камуфляж подходящего размера, а вот тебе, Карина, нужно поискать что-то в домах. Хотя... кажется, был там камок небольшого размера. Может, придется штанины и рукава закатать.

– Это не проблема, – обрадовалась девушка, – будет возможность, подошью, главное, чтобы в плечах и бедрах нормально было.

Всеволод закурил, угостив товарищей.

– Как ты собирался потрошить тайник при такой ораве? – спросил Игорь, прикуривая и блаженно затягиваясь.

– Еще не решил, – отозвался Всеволод, усаживаясь рядом. – Но ты прав, сначала придется от них избавиться.

– Кстати, а каковы наши планы? – спросил Александр Николаевич.

– Первое – нам нужно одеться и вооружиться. Второе – нам нужен «язык», мне необходимо знать об этих «зеленых» как можно больше. Третье – отсюда надо валить.

– Воевать втроем против трех сотен – беспонтовое занятие, – согласился Игорь. – Кстати, ты Николая не встречал?

– Погиб он, балкой пополам разрубило, когда здание рухнуло, – ответил Всеволод.

– Жаль, толковый он был, – вполне искренне произнес бывший полицейский. – Тоже повоевать успел.

– Такова жизнь, – философски заметил Всеволод. Дальше курили молча.

Через пару минут пришел Игорь-второй, фактически таща за руку девушку лет двадцати, может чуть старше. Выглядела та рассерженной, на отколовшуюся от остальных группу бросила неодобрительный взгляд. Вообще, она была ничего, довольно миленькая, ростом чуть выше Серго, сантиметров на пять – семь, короткостриженные светло-русые волосы, немного полновата, но ей это шло, лицо круглое, приятное, располагающее к себе. Но главной ее фишкой были глаза василькового цвета, огромные такие глаза вкупе с пухленькими губами – конфетка конфеткой.

– Надеюсь, ты ее не силой утащил? – глядя на не слишком довольную девушку, спросил Всеволод.

– Нет, конечно, – отозвался Серго. Девушку он уже отпустил, и она покорно уселась поблизости от Карины, словно найдя защиту у более зрелой и мудрой женщины. – Мы с ней в первый же день познакомились, потом от ливня прятались вместе, а вчера нас «зеленые» поймали, так что я вроде как за нее в ответе.

– А чего недовольная, если все по согласию? – схохмил Игорь-первый. Шуточка получилась грубой, «ментовской», но в кассу.

– Да бабы из той компании агитацию против вас начали. Мол, сволочи вы, бросаете всех, оружие есть, значит, обязаны их, беспомощных, защищать.

– А что, не так? – вдруг подала голос девушка.

– Не так, – отрезал Всеволод. – Я уже сказал один раз, для тебя еще один повторю, но больше не буду. Еще раз услышу нечто подобное – шуруй на все четыре стороны. То, что я спас этих людей, лишь сопутствующее действие, я спасал не их, а своих спутников. А этим людям

я ничего не должен. Тем более пасти это стадо, которое только говорить умеет. Посмотри, мы здесь уже минут двадцать, хоть кто-нибудь пошел дом обыскивать? Еда, одежда, оружие, медикаменты являются предметами первой необходимости, но никто даже не почесался, все сидят, ляды точат.

– А ты? – попыталась возразить девушка.

– А у меня все это есть – немного, но есть. И с вами поделюсь, потом еще найду. Но ишачить на этих не собираюсь.

– Все, Ксюша, хватит, – резко остановил ее Серго, когда прелестный ротик снова распахнулся для очередной порции возражений. – Всеволод дело говорит, он отряд собрал, ему и решать. И в данном случае это мы от него зависим, а не он – от нас. Так что помолчи и запомни, что он сказал. Гуманизм кончился, выживает тот, кто может выжить, остальные – пища для падальщиков или рабы.

– Неужели вам их не жалко? – обратилась она сразу ко всем.

– Жалко, – ответил за всех профессор. – Очень жалко. Но позаботиться о такой большой группе мы не сможем. Это приговор для всех, там собрались люди совершенно неприспособленные и не желающие приспособливаться. Серго прав, гуманизм кончился, если мы останемся с ними, то обречены. Все, закончим этот разговор.

– Зря ты думаешь, что у нас совести нет, – продолжила Карина. – Сева никого не прогнал, когда пошли на прорыв, он мог забрать только нас и уйти, а остальные пусть спасаются сами, но он вывел их оттуда, прикрыл. Теперь все авансы кончились, дальше все сами по себе.

– Получается, я плохая, если хочу выжить? Ведь могла остаться и Игоря бы попробовала уговорить.

– Нет, не плохая, – ответила Карина. – Мы все не плохие, просто так судьба распорядилась. Мы можем выжить, они, – она немного помолчала, – возможно. А теперь, действительно, давай прекратим этот разговор.

Глава 4

Разведка боем

Что же, Всеволод был доволен подобравшейся командой. Все, кроме Ксении, поняли «что, почему и зачем». Они возложили на него обязанности командира, отдали свой голос и свободу, и это было верным решением, бывший старлей морской пехоты – не самый плохой командир. Ни один из бывших его сослуживцев и подчиненных не мог бы сказать, что Всеволод Бураков злоупотреблял властью.

Он изредка бросал взгляд в сторону «обоза». Пузан, которого присылали на переговоры, пытался организовать их. Мужчины его слушались, а вот женщины оспаривали каждое слово. Всеволод усмехнулся про себя. Чтобы руководить этим курятником, нужно иметь железный авторитет, которого у новоиспеченного лидера не было. Но кое-чего тот достиг: мужчины отправились к пустырю и вскоре вернулись с инструментами. Видимо, прислушались к совету Бура и решили все-таки вскрыть квартиры и обыскать дом. Сам новый генералиссимус остался снаружи, изредка бросая в сторону Всеволода неприязненные взгляды.

– Уходим, – приказал Бур, поднимаясь. – Ждите здесь, я сейчас. – И направился к пузану.

– Послушайте, – сказал он, подойдя, – не знаю вашего имени-отчества. Я вам дам совет, хороший совет. Как только наберете барахла и еды, уходите из города, ищите тихое спокойное место. Может, вам повезет. Здесь же вы точно покойники.

– Держите ваши советы при себе, – огрызнулся пузан. – Не захотели остаться, проваливайтесь, без вас управимся.

– Ну, как знаешь, генералиссимус, – со смешком ответил Всеволод. – Запомни, великий вождь обиженных и оскорбленных: коли ты взялся за них отвечать, так отвечай. Каждая смерть будет на тебе.

– Нет, на тебе, это ты отказался их защищать.

– Ошибаешься, я сейчас уйду и забуду о них, моя забота вон там стоит, – Всеволод мотнул головой в сторону своих спутников. – И оставил я это стадо с тобой живым и здоровым. На мне только две жизни: этого дурачка, побежавшего за автоматом, и его спятившей женушки. А эти восемнадцать – твои. Запомни это.

И, развернувшись на каблуках, Бур пошел прочь.

– Следите за тылами, – предупредил он свою группу. – Не хочу, чтобы кто-то увязался за нами к тайнику. Все мы не заберем, а отдавать полезные вещи этим убогим, которые завтра снова инквизиторам попадутся, жалко.

Игорь первым кивнул и занял привычное место в арьергарде. Бур задал направление и темп, нарочно скрывшись между домов от пристального взгляда пузана, после чего сразу свернул в нужную сторону. Через десять минут они вышли к дому. Видимо, Бог услышал Всеволода и его просьбу пожалеть дом. Тот стоял целехонький, и дверь в подвал после всех катаклизмов осталась прикрыта точно так же, как когда Бур уходил. Вошли без проблем. На самом деле данный подвал не сильно отличался от подвалов советских домов: земляной пол, тусклое освещение, которое сейчас вообще не работало. Единственным источником энергии была странная лампа в виде дырявой консервной банки, добытая еще в офисе. Далекое идти не пришлось, Всеволод оборудовал схрон неподалеку от входа. Объяснялось это просто: тогда делать все пришлось одному, и далеко таскать было довольно тяжело. Никто тайник не потревожил, небольшой, почти незаметный холмик в углу. Вот и пригодится саперная лопатка, спрятанная на трубах коммуникаций, земля-то подсохла за три дня. Тут, похоже, и вчерашнего потопа не было.

– Игорь, возвращайся ко входу и следы, чтобы к нам гости не пожаловали.

Сержант кивнул своей огненно-рыжей головой и, неожиданно поцеловав Карину в губы, быстро вышел. Всеволод бросил на девушку удивленный взгляд. Карина улыбнулась и, пожав плечами, тихо сказала:

– Так вышло.

Всеволод кивнул и потянулся за лопаткой. Пять минут работы – и тайник был вскрыт. Сверху все было обложено куском брезента, под ним – рюкзаки, набитые экипировкой, оружие упаковано отдельно. Всеволод начал доставать рюкзаки и передавать их спутникам.

– Сначала одежда и обувь, – приказал он.

– Чужой, – разнесся по подвалу голос Игоря.

Всеволод схватил оружие и, обогнув остальных, выскочил в коридор.

– Кто? – подбежав к сержанту, спросил он.

Игорь молча указал на объездную дорогу. По ней прямо ко входу в подвал шла девушка в коротких шортах и кожаной жилетке, надетой прямо на голое тело. На ногах – босоножки. Всеволод хорошо запомнил ее: лифчика на девушке не было, а грудь второго размера с крупными вишневыми сосками и в глаза бросалась, и забыть такое было трудно. Вот только... сейчас она должна была обшаривать дом вместе с группой пузана, разве не так?

– Как быть? – тихо спросил Игорь, стараясь держаться подальше от входа, чтобы не быть замеченным. – Она идет прямо сюда.

– Больше того, она точно знает, куда идет, – прокомментировал поведение гостьи Бур.

Девушка подошла ко входу и нерешительно остановилась перед прикрытой дверью.

– Не стреляйте, – робким голосом попросила она.

Игорь и Всеволод, прятаясь во тьме, удивленно переглянулись. Девушка знала, что ее видят и слышат.

«Что делаем?» – взглядом спросил Игорь. Всеволод пожал плечами.

– Открывай, – шепотом приказал он, наводя на девушку автомат. На всякий случай.

Игорь толкнул дверь, стараясь не оказаться на линии огня.

– Не стреляйте, – еще раз попросила «гостья», увидев изготовившегося к стрельбе Всеволода. – Я пришла одна и никому не сказала, где вы.

– Заходи, – приказал Бур, – как ты нас нашла?

Девушка вошла, и Игорь снова закрыл дверь.

– Знала, что вы здесь, и пришла.

– Игорь, я же просил тебя следить за нашими тылами, – упрекнул сержанта Всеволод.

– Не было там ее, – ответил тот, – да и заметь, пришла она не по нашему маршруту, а по объездной дороге.

– Он не виноват, – попыталась оправдать Игоря девушка. – Я не шла за вами, я шла туда, где были вы. Я так могу.

– Что значит – шла туда, где мы? – окончательно растерялся Всеволод.

– За последние три дня многое случилось. Самое странное то, что я теперь всегда знаю, где находится нужный мне объект. Просто представляю то, что хочу, и – вижу.

Бур озадаченно замолчал. Неужели у этой девушки при слиянии прорезалась какая-то сверхспособность? Если так, то она может оказаться не единственным... мутантом.

– И чего ты хочешь? – перешел он к главному вопросу.

– Хочу, чтобы вы взяли меня с собой. Там я погибну.

Всеволод всерьез задумался. И что с ней делать? Она пришла к ним, ищет защиты. В принципе, еще один человек не будет помехой, тем более с таким уникальным даром... если это, конечно, правда. Один человек – это не двадцать захребетников. Но – как быть с собственным словом? Ведь он отказался принимать тех людей. Если позволит ей остаться, это может подорвать его авторитет в группе...

– Я не могу решить один, – наконец нашел он выход. – В таком серьезном деле решать нужно всем вместе. Пойдем со мной, – приказал он.

Девушка обрадованно закивала.

– Игорь, твое мнение?

Сержант довольно долго молчал, обдумывая решение.

– Она может быть полезной, – наконец изрек он. – Но чем она подтвердит свои способности?

– Это легко, – спокойно ответила сержанту девушка. – Например, ваш схрон находится в третьей от входа секции с правой стороны.

– Есть задача посложнее, – решил испытать девушку Всеволод. – Ты видела боевую машину, которую притащили инквизиторы?

– Такая угловатая, в пятнах?

Всеволод кивнул.

– Здесь неподалеку есть еще одна такая же, сможешь ее найти?

Девушка на несколько секунд закрыла глаза.

– Она находится за пустырем, в небольшом овраге, и рядом с ней люди, они ее пока не видят, но могут найти.

– Верно, – подтвердил он. – А вот то, что рядом с ней чужие, это плохо. Ты можешь определить, кто они?

Девушка отрицательно покачала головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.